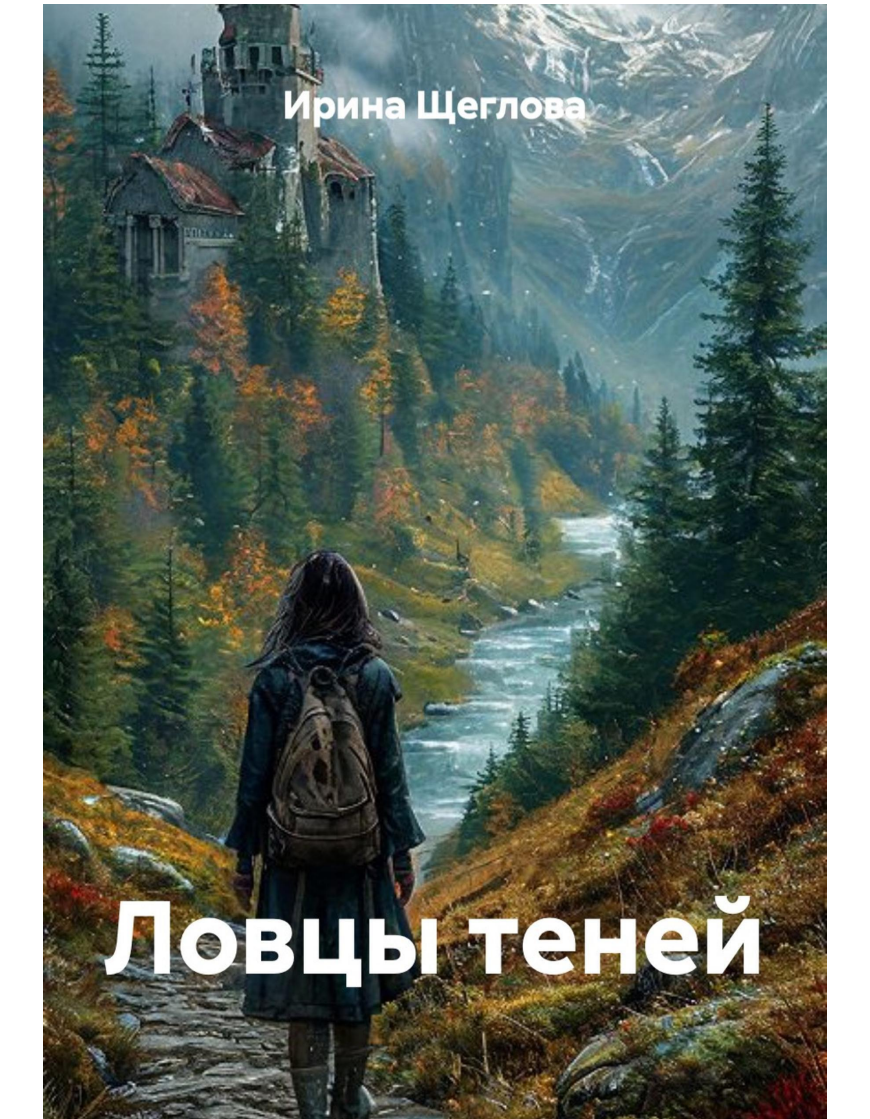

A person with long dark hair, wearing a dark coat and a backpack, stands on a rocky path, looking towards a large, ancient stone castle perched on a steep, forested mountain. The landscape is filled with autumn-colored trees and a river flows through the valley below. The scene is misty and atmospheric.

Ирина Щеглова

Ловцы теней

Ирина Щеглова

Ловцы теней

<https://litres.ru/74229999>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маша Потемкина — проводник. Та, кто может проникать в Междумирье, отыскивать там потерявшиеся души умерших и провожать их к Границе.

Она видит семена зла, проникшие в наш мир и может спасти тех, кого спасти почти невозможно.

Казалось бы, Маша неуязвима. Но силы зла не дремлют. И на охоту вышли тёмные ловцы, готовые разделаться с бесстрашным проводником.

Содержание

Ловцы теней	4
Часть 1. Дорога мертвых	5
Часть 2. Пожиратели душ	78
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ирина Щеглова

Ловцы теней

Ловцы теней

Ирина Щеглова

Часть 1. Дорога мертвых

Глава 1

Мой двоюродный брат Егор – человек, конечно, хороший, но уж очень он ко мне снисходительно относится. Строит из себя взрослого, а на меня смотрит как на малявку неразумную. Когда я была маленькая и мы вместе гостили у деда и бабушки, его заставляли за мной присматривать. Наверное, его это доставало. Зачем в компании пацанов маленькая девочка? Они все время хотели от меня отделаться, а я бегала за ними хвостиком. Конечно, у меня были подружки, но тянуло-то в компанию брата.

Правда, со временем я от них отстала, у меня появились свои интересы. Но отношение Егора ко мне не изменилось.

Лето выдалось страшно жарким. В городе вообще, наверное, невыносимо. Вот мы и отсиживались у бабушки, изнывая от жары и безделья.

По вечерам Егор пропадал, а днем, от скуки, донимал меня разговорами.

– Слышала? Ночью дед опять приходил...

Дедушка умер несколько лет назад, но в семье бытует мнение, что он «не ушел» и часто навещает бабушку. Я не люблю эти разговоры, они меня пугают. Егор об этом знает.

– Я не спал, слышал шаги, а потом у бабушки в комнате свет появился.

– Егор, не гони! – взмолилась я. – Ничего ты не слышал. И зачем бабушке включать свет? Покойники этого не любят.

Егор ухмыльнулся:

– Это был не электрический свет, а такой, знаешь, бледный, мертвенный...

– Перестань, пожалуйста! Нехорошо так говорить!

– Почему? – искренне удивился Егор.

– Потому что это наш дедушка. И ты ничего не понимаешь!

– Я не понимаю?!

– Ты!

На самом деле я тоже иногда слышала, как глухо стучала входная дверь, хотя точно знала, что она закрыта на ночь. Долетал до меня и скрип половиц, и негромкий разговор, доносившийся из бабушкиной комнаты. Но утром я убеждала себя, что все это мне приснилось. Просто расстроенное воображение.

– А ты знаешь, – не унимался Егор, – когда дед умер, икону из дома вынесли, тут так принято, а ночью кто-то пришел и поставил ее на место.

– Егор!

– Да чего ты орешь?! Боишься? – он уже откровенно потешался надо мной.

– Ты сам боишься! – Я чуть не плакала.

А он серьезно так добавил:

– В одном ты права: мы ничего не знаем... Никто ничего не знает. Вот, живет себе человек, и все вроде понятно, мы его видим, общаемся, любим... а потом – хоп, деревянный ящик, а в нем что-то, совсем не похожее на того человека. Кукла какая-то сломанная... а человек-то где? Куда подевался?

Он рассуждал, а мне приходилось слушать, хотя очень хотелось заткнуть уши.

– Вот так поневоле начинаешь верить в загробную жизнь. Насчет рая и ада не знаю, но что-то такое есть, какой-то другой мир.

От его слов становилось холодно, несмотря на жару.

Я убегала из сада в дом, но там меня начинали преследовать видения: в углах сгущались тени, слышались тихие голоса, как будто кто-то окликал меня и просил о чем-то. Я зажимала уши и бросалась ничком на диван, чтоб не видеть, не слышать, не бояться.

– Маша, в магазин не сходишь? – будничным голосом спрашивала бабушка, и страхи отступали, прятались. Я брала сумку и шла по пыльным, изнывающим от зноя улицам, злилась на Егора и успокаивала себя.

А на другой день все повторялось.

– Прикинь, мне снился мертвец, – сообщал неугомонный братец. – Желтый такой, страшный, лезет из могилы и угрожает: «Погоди! Я до тебя все равно доберусь!» Как думаешь,

к чему?

– К перемене погоды, – огрызнулась я.

– Что-то не верится, – не соглашался Егор.

Ему не верится, а на меня из-за разросшихся кустов смородины смотрит этот самый мертвец, кривя синюшные губы в ухмылке... Я быстро перекрестилась и отвернулась. Не хватало еще, чтоб Егор навязал мне свои сны и своих мертвецов!

Я снова убежала от него под предлогом, что пора в магазин. А по дороге то ли от жары, то ли от страха померещилось, будто я не по своей улице иду, а по белесой от пыли пустыне. Солнце куда-то исчезло, и небо исчезло, только скучная дорога, уходящая вдаль без горизонта, тусклый свет, марево и размытые силуэты людей. Они двигались вереницей, сторбленные, усталые. Мужчины и женщины...

Я остановилась и потрясла головой, прогоня наваждение.

Кажется, я схожу с ума!

Мамочки, как страшно!

Глава 2. О смерти

А мертвецов я боюсь, как все нормальные люди. И тут нет ничего смешного. У меня всю жизнь так: стоит только увидеть похоронную процессию, так непременно ночью покойник приснится. И так гадко! Обязательно из гроба встанет и начнет донимать просьбами. Почему, спрашивается? Ведь

я этим людям – никто, посторонний человек. Мы в жизни даже не встречались никогда! И все разные снятся: и старики, и молодые, и даже дети. Когда дети – особенно страшно. Однажды целая толпа собралась и всю ночь за мной гонялась. Такой кошмар! Я проснулась вся в поту, отдышаться не могла, как будто действительно не в своей постели спала, а носилась сломя голову.

Об этом я никому не рассказываю, ну разве только подруге.

Родителям вообще нельзя! Они припишут все расстроенному воображению и, чего доброго, запретят пользоваться Интернетом и компьютерными игрушками. По мнению взрослых, все наши проблемы возникают под влиянием сети. Еще книги мы неправильные читаем и фильмы не те смотрим. А значит, стоит только оградить нас от этого влияния, как жизнь превратится в сплошной праздник.

Насчет расстроенного воображения я, пожалуй, соглашусь. Только Инет тут ни при чем. У меня просто такая особенность, и воображение не расстроенное, а богатое. Вот.

К тому же, когда умер мой дедушка, он же меня не донимал.

Я помнила, как его хоронили. Тогда нам позвонила бабушка. Сказала: «Отец очень плох...» И мы с мамой поехали.

Дед сидел у стола на своем любимом месте, но я сразу увидела, как он изменился. Сильно похудел, было заметно, с ка-

ким трудом он облакачивается о стол. Но самое страшное – глаза. В них отражалось внутреннее страдание. Я подошла и хотела поцеловать его в щеку, как обычно. Но он лишь слабо отстранился, простонал что-то еле слышно.

Бабушка шепталась с мамой о том, что в больницу деда не кладут, потому что бессмысленно. Приходит медсестра на дом, делает уколы, просто чтоб облегчить боль.

Это было так ужасно, что мне хотелось убежать, забраться куда-нибудь в самый темный угол, зарыться с головой и закрыть глаза, отключить мысли.

Я тогда была еще маленькая и многого не понимала.

Перед смертью деда мне приснилось, что у меня выпали все зубы. Я рассказала маме. Она лишь вздохнула.

В гробу он был совсем не похож на самого себя при жизни. Я плохо соображала, бродила из комнаты в комнату, невпопад отвечала на вопросы взрослых. И еще была уверена, что передо мной разыгрывают какой-то чудовищный спектакль. На самом деле ничего этого нет, все совсем по-другому. Но как, я не знала.

После похорон мы остались с бабушкой, потому что надо было помочь с поминками: три дня, девять дней...

В доме завесили зеркала, как мне объяснили, чтоб душа деда не заблудилась в своих отражениях. Все думали, что он куда-то там отправится. Только я знала: он остался тут, в этом доме.

Ночью я встретила его. Он стоял на крыльце, абсолют-

но здоровый, красивый, как на фотографии в молодости, в длинном черном пальто, костюме, шляпе...

– Дедушка, ты почему здесь? – спросила я.

– А что мне делать там одному?.. – ответил он.

Он приходил к бабушке каждую ночь. Я слышала скрип половиц и негромкий разговор. Я не спала, мне хотелось посмотреть на них, но я не смела.

Мама говорила бабушке:

– Поедем к нам.

Но бабушка отказывалась, ссылаясь на какие-то несущественные причины. Никто не смог бы ее убедить уехать: ведь здесь дед по-прежнему с ней.

– Мало ли что, – говорила бабушка, провожая нас на вокзале, – дом надо сохранить...

– Да кому он нужен? – удивлялась мама. – Никто из нас не будет в нем жить.

Но бабушка качала головой и мудро улыбалась.

Мне, конечно, тоже жаль оставлять ее одну, но когда я узнала, что бабушка не станет продавать дом, так обрадовалась! Каждое лето родители привозили меня сюда, и я была счастлива. Если бы меня спросили, где бы мне хотелось жить, я не задумываясь ответила бы: в этом доме, укрытом вишневыми деревьями, в саду с горой золотого песка у забора, где с тихим стуком падают яблоки, где о чем-то шелестит старая груша и георгины тянут гордые шапки цветов к солнцу.

Можно заблудиться в подсолнухах или делать прически зеленым кукурузным початкам. Можно валяться на траве у колодца, наблюдая за стрекозами или за тем, как по двору бегают пушистые комочки-цыплята. Можно до изнеможения качаться на качелях, играть с собакой, помогать кошке растить выводок котят, а по вечерам слушать, как поет сверчок в углу у печки.

Зимой мне часто снились дом и лето.

Маленькой я считала этот мир своим, принадлежавшим мне одной. Я думала, что он неизменен, что он будет таким всегда – зеленым, солнечным и ярким. Но умер дед, а потом погиб наш старый пес. И бабушка осталась совсем одна. А я почему-то перестала видеть дом во сне.

Вообще с той поры с моими снами не все в порядке.

Наверное, я слишком эмоциональна.

С возрастом пройдет... Возможно.

А пока Егор от безделья донимал меня разговорами, и я мечтала только об одном – уехать поскорее домой. Хотя жаль было оставлять бабушку.

А потом, перед отъездом, позвонила моя подруга Ольга.

– Ваня умер, – с трудом разобрала я сквозь рыдания.

Глава 3. Дорога за грань

Мы с Ваней шли по пустому шоссе, гладкому и скучному. Я – слева, он – справа. Дорога уходила идеально прямой лентой за горизонт, хотя горизонта здесь не было и быть не

могло. Однако уходила. И нам надо было торопиться. Это я знала, а потому время от времени поторапливала своего спутника. Шли мы налегке: только у него гитара в чехле за спиной, вот и все. Остальное все осталось там...

Я время от времени посматривала по сторонам, искала укрытие, мало ли... Но выгоревшая мертвая степь не оставляла надежды.

Главное – успеть до темноты.

То, что темнота наступит, я знала, хотя здесь не было солнца, а бесцветный тусклый свет трудно назвать дневным. Но все-таки.

Ваня все больше молчал и выглядел растерянным, что неудивительно. А мне было тревожно.

Маленькая белая церквушка появилась неожиданно. Выросла прямо на дороге. Точнее, шоссе упиралось в нее, словно в конечный пункт.

Мы успели.

У входа нас ждал маленький старичок-священник в поношенной рясе. Он взглянул на меня благосклонно, благословил нас, а потом увел его, оставив меня одну.

Он не давал мне указаний, не предостерегал, не просил, но мы оба – он и я – не нуждались в объяснениях.

Я была проводником, а стала сторожем. Кроме меня – никому.

И сразу стало так спокойно! Тревога ушла, ведь я точно знала, что надо делать.

То, от чего я защищала Ваню, в церковь проникнуть не могло. Но оно будет искать брешь, это мне известно. Значит, я должна опередить. А еще лучше, напасть первой.

Я не думала, скорее чувствовала, шла по возможному следу, как охотничья собака. Проверила все углы и закоулки. Бреши не было. В то же время я ее ощущала, у меня трепетали ноздри, когда я обходила церковь, обшаривала стены, реагировала на всякое движение воздуха.

Что-то внутри меня подсказывало – ищи сквозняк...

А потом снова появился священник и отвел меня в маленькую пристройку. Крохотная комнатуха, можно сказать чулан. У стены кровать, в изножии – сундук, вот и все убранство.

– Будь здесь, пока не рассветет, – сказал священник.

Я села на сундук и уставилась на плотную занавеску на окне напротив. Чулан я еще не проверяла. Подсобное помещение... вот именно! Подсобное! Если есть брешь, то она именно тут.

Я сидела неподвижно и смотрела. Ждала.

Темнота все не наступала. Оставалось достаточно светло, чтоб различить малейшие изменения или нечаянное чужеродное движение.

Дождалась. Плотная ткань занавески чуть заметно колыхнулась и стала наливаться темнотой. Порыв ветра отбросил угол занавески, ткань пошла смоляными волнами.

И тогда я, не раздумывая, протянула руки вперед, сцепила

пальцы и вывернула ладонями наружу. Никто не учил меня. Просто я знала, что смогу, и все.

Занавеска вздулась черным пузырем и потянулась ко мне. Внутри меня, где-то на уровне груди, под ребрами, возникла горячая покалывающая пустота, она расширилась, подступила к горлу, побежала по плечам, рукам, достигла ладоней и вырвалась наружу. Нет, я ничего не увидела. Никаких светящихся потоков, ничего такого. Но оно, то, что лопилось сквозь брешь, остановилось. Замерло, опомнилось, попыталось пробить защиту. Мы столкнулись, я напряглась так, что зазвенела каждая клетка моего тела. Оно попятилось. Огрызнулось напоследок, всхлипнув, сорвало занавеску и вместе с ней буквально всосалось в невидимую щель.

Я подошла к окну, проверяя, все ли запечатано. Лазейка исчезла.

Так же как и тьма – она рассеялась.

Я поняла – пора!

Мы вышли на шоссе втроем. Батюшка провожал Ваню.

Шоссе снова тянулось вперед, правда, теперь оно не упиралось в мнимый горизонт, а исчезало в золотистой дымке.

– Ну, прощай, – сказала я, – дальше ты сам.

Ваня улыбался каким-то своим мыслям. Ни страха, ни растерянности на его лице. Он был готов к дороге.

Он пожал мне руку, священник снова благословил его.

И вот Ваня уже шагал в сторону золотистого тумана. А я еще подумала: неужели и здесь встает солнце?

Я долго смотрела вслед уходящему Ване.

– Хорошая работа, – сказал священник.

– Почему я?

– Ты проводник. Так уж вышло...

Глава 4. Обычная девочка

Открыла глаза и уставилась в потолок. Сон еще не отпустил, я никак не могла сообразить, где нахожусь. И только повернув голову и взглянув на окно, вспомнила: дома!

Уф!

Опять!

Кошмар какой!

От страха и безысходности я расплакалась. Как назло, штора на окне то ли от сквозняка, то ли еще от чего начала вздвигаться пузырем, прямо как во сне. Ну это уж слишком!

Я вскочила, схватила подушку и запустила в окно:

– Сгинь! Пропади!

Подушка ударила в стекло и шлепнулась на пол. Штора опала, а из-под нее с подоконника мне под ноги выкатился черный камешек, гладкий, в форме яйца.

– Это еще что такое? – я подняла камень, посмотрела. – Нет, это уже ни в какие рамки не лезет! Камни в окна закидывать! Вот поймаю этих стрелков, уши оборву! – пообещала я самой себе.

Отодвинула штору, выглянула, но, естественно, под окнами никого не было. Убежали! Но как же они добросили ка-

мень до седьмого этажа? И как он вообще мог влететь в окно, если даже форточка закрыта?

Я повертела камешек в руках, хотела было выбросить, но передумала. Сунула в ящик стола.

Может, попытаться еще поспать? Ведь такая рань. Но как теперь уснуть?

Часы показывали без четверти шесть. Я снова легла, предварительно раздвинув шторы, чтобы было не так страшно. Но уснуть не удалось. Я думала о Ване.

Ну почему, почему он мне приснился? Ведь я даже на похоронах не была. Специально не пошла, потому что мертвецов боюсь. И вообще. Я же почти его не знала.

Он был на два года старше. Встречались пару раз в общих компаниях, перебрасывались словами. Он писал песни, пел под гитару, мечтал о своей группе. Мы, его приятели и приятельницы, слушали. Что еще? Да, в него была влюблена моя подруга.

Вот и все. А потом он умер. И не болел почти. Как-то так, сразу. Неожиданно. Забрали на «Скорой» в больницу и не спасли. Врачи сказали – рак. Ему едва исполнилось шестнадцать.

Он умер и уходил, а я почему-то шла вместе с ним.

Почему? До сих пор я была самой обычной девчонкой. Училась в школе, общалась с друзьями, даже влюблялась пару раз. Все как и у всех.

Я попыталась рассказать друзьям о своем сне, но они по-

смеивались или делали круглые глаза. Взрослым о таком не расскажешь, у них голова забита совсем другими проблемами. Еще, чего доброго, за дурочку примут.

Только подруга Оля выслушала внимательно.

– Ты его провожала, – сказала она.

– Но почему именно я?

– Не знаю... Наверное, только ты могла это сделать.

Пришлось поверить. А что еще оставалось? Ольга тяжело переживала Ванину смерть. Она стала нелюдистой, повсюду ходила с наушниками, в которых звучали его песни. Постоянно крутила один диск, больше у нее ничего не осталось, кроме разве что еще нескольких его стихотворений. Мне было искренне жаль ее, я даже испытывала какую-то неловкость из-за того, что мне приснился тот сон. Скорее она должна была провожать его, не я. Так мне казалось. К тому же Ольга ревновала. Я это чувствовала. Нет, вслух она не говорила, но иногда смотрела так пристально, как будто хотела спросить: было у нас с Ваней что-то или нет... Или начинала выпытывать подробности, надеясь узнать что-то, понять... Честно говоря, неприятно. Чувствуешь себя без вины виноватой.

Я постаралась забыть свой сон и зажечь прежней жизнью. Но вот что странно: близкие и друзья Вани страшно переживали, для них его смерть стала огромным горем. А мне почему-то казалось, что у него все хорошо.

Глава 5. Жизнь после смерти

Так или иначе, но Ваня действительно умер. А мне надо как-то жить.

Вставать утром, идти в школу, несмотря на плохое настроение, тревожные и страшные сны...

Вот сегодня ночью приснилось такое, просто уму непостижимо!

Ночь, такая, что ни зги не видно, а потому очертания предметов узнаешь скорее по памяти. Толкнула покосившуюся калитку, боком прошла в образовавшуюся щель; слева холодная шероховатость – кирпичная стена гаража; справа штакетник палисадника, дальше темнее тьмы угрожающе наступает угол дома...

Откуда взялась услужливая луна? Нет, это пятно желтоватого света от керосиновой лампы, оно движется, поднимается, делает мир зримым.

Ступаю несколько коротких шагов по рассыпающемуся бетону дорожки, но дальше мне путь заказан. Прямо на дорожке, на двух табуретках, стоит обширный черный гроб без крышки. Две женщины суеются рядом, собираются укладываться на ночь. Одна из них подсвечивает керосинкой, другая стелит. Они словно не видят меня, но я вижу, как одна поджигает губы, другая же, бросив приготовления, уходит в темноту, туда, где должно быть крыльцо.

Они что же, спать собираются в гробу? А почему в дом не идут? Их кто-то не пускает? А если дождь, например? Или

снег? Крышкой гроба накрываются?

Так и не пропустили меня.

Проснулась я среди ночи, а потом глаз не могла сомкнуть, все думала: ну почему, почему мне такие ужасы снятся?

Взять, к примеру, Ваню. Ведь с ним-то все было по-другому. Я его проводила, он и ушел. А этим чего надо? Может, их тоже проводить? Но куда? Где дорога?

Уроки еле отсидела. Голова тяжелая, не выпалась. Да еще и Ольга вопросами донимала.

– Пойдем, – попросила, – в церковь, хочу свечки поставить – Ване, за упокой.

Я согласилась. Все равно по дороге. Заодно и сама поставлю, может, тогда мертвецы отстанут от меня...

Вышли из школы, Ольга наушники вставила и молчала всю дорогу, я поглядывала на нее искоса, она брела как сомнамбула – лицо бледное, потустороннее.

В церкви купили свечи, написали записочки «Об упокоении» с маленьким крестиком вверху листочка. «Вам простые или заказные?» – негромко спросила женщина за церковным прилавком. «А какие лучше?» – «Заказные, конечно...» – «Давайте заказные». А потом мы с Ольгой стояли молча, я смотрела на маленькое пламя своей бескровной жертвы, не молилась: Он знает, зачем же обижать Его многословием.

По пути к дому Ольгу прорвало.

Я задумалась, а она с вопросами стала приставать. Я не сразу ответила, просто не расслышала.

– Маш! – окликнула меня Ольга. – Ты где витаешь? Ты вообще меня слушаешь?

– Конечно, слушаю, – мне было неудобно признаваться в том, что я совершенно выпала из реальности. Ольга не поверила:

– Вечно ты так! Я тут разоряюсь перед тобой, а ты!

– Да я слышу!

– Ну повтори, что я сейчас сказала? – ехидно переспросила подруга.

Я напрягла память, стараясь изо всех сил вспомнить утерянную нить разговора.

– Не помнишь! – торжествующе заявила Ольга. – А я, между прочим, спрашивала, как ты думаешь, есть ли жизнь после смерти? Как ты относишься к загробному миру и все такое?

Я поморщилась с досадой:

– Оль, хватит об этом, а? Ты же только что поставила за Ваню свечку, значит, сама веришь.

Она тяжело вздохнула.

– Странно все... Поэтому и спросила у тебя, как ты к этому относишься, ну чисто теоретически? – не отставала подруга. – Ответь!

– Да не знаю я!

– Не знает она! – Ольга фыркнула недовольно. – А я вот думаю, что-то есть. Мне хочется узнать наверняка, – волнуясь, добавила она, – вот бы познакомиться с такими людьми,

которые точно знают!

– Я бы на твоём месте не торопилась, – посоветовала я, – придет время, все станет ясно.

Что за тяга у нее! Вот, наговорила, теперь мне обязательно кошмар приснится!

Нет! Нет! Нет!

– Угу, – легко согласилась Ольга. А потом добавила: – А ты раньше мертвецов во сне видела?

Я тяжело вздохнула:

– Может, и видела... Мне бабушка говорила: мертвецы снятся к перемене погоды.

– Бррр! – Ольга поежилась. – Представляю себе! Весь такой синий, в пятнах, встает из могилы, тянет к тебе руки и стонет: «О-о! Как меня ломает! Наверное, к дождюуу!»

– Фу! – Я оттолкнула ее. – Прекрати! Ты как мой братец Егор, честное слово.

Ольга невесело усмехнулась.

– Боишься? – прищурившись, спросила она.

– Просто противно.

Я вспомнила, как Егор донимал меня летом. Правда, у него мертвец был желтый. Но, по сути, они с Ольгой говорили об одном и том же.

На самом деле я терпеть не могу этих разговоров и всяких там рассказов. Помню, когда мы были маленькие, то пугали друг друга: в черном-черном лесу стоит черный-пречерный дом, а в нем черный-пречерный гроб... и так далее. Так вот,

я не могла дослушать до конца, убегала. Не знаю, мне даже не страшно было, а как-то становилось не по себе, как будто мои подружки и друзья смеялись над чем-то, чего не понимали. Ведь глупо первоклашке высмеивать, например, полеты в космос. Сидит такой, ржет, а тут возьми да и появишься человек, хорошо разбирающийся в устройстве космических кораблей. Если это добрый человек, то он просто посадит первоклашку на колени и расскажет ему о космосе, а если злой? Нет, конечно, это не точное сравнение, но близкое. Кто мы такие, чтоб соваться со своими представлениями туда, где никто из нас не был? Вот побываем, тогда и обсудим.

Я как-то читала, что средневековые карнавалы возникли из-за страха смерти. Люди бросали ей вызов, высмеивали, пытались доказать, что не боятся. Наверное, дети потому же придумывают страшилки. А чего мы боимся? Того, что непонятно.

В общем, я целый час спорила с Ольгой. Наконец мы договорились, что больше не будем возвращаться к этой теме. И помирились. Я успокоилась.

Глава 6. Новая знакомая

В воскресенье я сидела в кафе и ждала Ольгу. Она опаздывала. Я от нечего делать глазела в окно на прохожих и пила молочный коктейль. Вообще-то я не люблю молочные коктейли, но в этот раз почему-то заказала, наверное, из-за того, что меня потрясло сочетание: малина, банан, клубника,

мороженое, сок лайма и еще что-то. За соседним столиком мама заказала такой своей дочери, вот и мне захотелось.

Я сидела, никого не трогала, пила довольно странную на вкус смесь и глазела на прохожих.

– Не занято? – раздалось над моей головой.

Я невольно вздрогнула и посмотрела на спрашивающую с неудовольствием. Поймала себя на мысли: где-то я ее уже видела... Хотя... Светловолосая женщина, на вид лет тридцать, может, чуть больше, чем-то похожа на мою маму, да, точно...

– Вообще-то я жду подругу, – ответила я. – Вокруг полно свободных столиков.

Действительно, народу было немного.

Но женщина, ничуть не смутившись, отодвинула стул и села рядом. Я поморщилась. Вот приставучая!

– Ну, здравствуй, Маша, – улыбнулась она.

Я чуть коктейлем не поперхнулась, кивнула на всякий случай. Точно, какая-нибудь мамина подружка или коллега по работе. Только вот почему я ее не помню? А она, судя по всему, хорошо меня знает. Нет, все-таки помню, но смутно...

– Ты не волнуйся, я ненадолго, – успокоила женщина. – Не удивляйся, я пришла, чтоб помочь тебе.

– Помочь?!

– Маша, видишь ли, я такая же, как и ты, – призналась женщина.

Я, хоть и находилась в совершенном обалдении, предположила промолчать. Иногда лучше слушать, чем говорить: умнее кажешься.

– Тебя мучают сны? – спросила женщина.

Мне не понравился ее вопрос.

– А почему вы об этом спрашиваете? Нас снимает скрытая камера? – я подняла руку и помахала. – Йо-хо! Привет!

– Нет, нас никто не снимает, – женщина внимательно взглянула мне прямо в глаза, и я сразу поняла: она не шутит, и, кажется, говорит правду. – Просто послушай меня, – сказала она. – Так получилось, что ты теперь несешь ответственность за тех, кто уходит. Я знаю, у тебя накопилось много вопросов, не волнуйся, ты получишь ответы. А пока мой тебе совет: разберись с теми, кто приходит к тебе. Я знаю, они надоедают и пугают, но ты их последняя надежда, потому что ты единственная, кто может им помочь. У тебя получится, просто прислушивайся к себе и ничего не бойся. У тебя достаточно сил, даже с избытком. Пока тебе не хватает опыта, но он появится. И помни, ты не одна. Мы рядом.

Пока она говорила, я тупо моргала и ничегошеньки не понимала. Слушала, но как будто не слышала. Думала только об одном: когда же придет Ольга? Мне совсем не улыбалось сидеть рядом с сумасшедшей. Наконец я увидела подругу. Она вошла в кафе и оглядывалась в поисках меня.

– Оль! – крикнула я и привстала, чтоб она меня заметила.

Потом посмотрела на женщину, но рядом со мной никого

не было. Что за наваждение! Даже стул не отодвинут.

Подошла Ольга и уселась на него.

– Ты чего так смотришь? – спросила удивленно.

– Как?

– Как будто привидение увидела.

– А я, может, и увидела.

– Что, правда? – громким шепотом переспросила она.

– Сама не знаю... Слушай, ты когда вошла, рядом со мной кто-нибудь сидел?

– Вроде никого, – она задумалась, – правда, я особенно не обращала внимания... Ой, неужели они тебя уже и днем достают?!

– Кто?

– Ну, мертвецы твои...

Я нахмурилась:

– Какие еще мертвецы?! Почему мои? Что ты городишь! Просто сидела, ждала тебя, ты опоздала, между прочим! Я задумалась, ну и померещилось что-то.

– Извини, – Ольга сразу же пошла на попятную. – Маршрутки долго не было... Знаешь, я уже всю голову себе сломила, все думала, думала... может, ты обладаешь способностями медиума?

– Чего?! – возмутилась я.

– Да не злись, – попросила Ольга. – Медиумы могут общаться с умершими и передавать их просьбы родственникам и друзьям, ну, помнишь, еще кино такое было, там парня

убили, так он со своей любимой девушкой через медиума общался.

Кино я помнила смутно, и медиумом мне быть совсем не хотелось:

– Не выдумывай, еще только этого не хватало!

– Ну, ладно, ладно, пусть не медиум, – согласилась подружка. – Ты просто чокнутая, и тебе все время мерещатся привидения.

Это уже ни в какие рамки не входит!

– Олька, ты достала! – почти крикнула я. – Вот, хотела тебе рассказать, а теперь не буду!

У подружки заблестели глаза.

– Что рассказать? Маш, ну не обижайся! – начала канючить она. – Ты же знаешь, мне ужасно, ужасно хочется понять, почему тебе приснился Ваня! Это я тебя из зависти достаю, правда-правда!

Я закрыла глаза и мысленно застонала.

– Маш! Ты мне подруга или нет? – возмутилась Ольга.

– Хорошо, – обреченно согласилась я, – только, пожалуйста, выслушай меня спокойно и не задавай вопросов, ответов я все равно не знаю.

И я рассказала: о своих снах, о мертвецах, о женщине, которая мне померещилась...

Тут у подружки глаза разгорелись, она придвинулась ко мне поближе и зашептала:

– Ну, точно! Потусторонние силы вышли на тебя!

– Оль! – чуть ли не взмолилась я. – Зачем ты меня пугаешь? Мне и так черт знает что снится!

– Это знаки, – многозначительно кивнула подруга. – Ты мне теперь все свои сны рассказывать будешь, у меня есть сонник, мы все подробно разберем.

Мне ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть. Ольга сошла с ума еще больше, чем я, это ясно...

Глава 7. Прах и пепел

Мои ступни погружались в невесомую серую пыль, в ней оставались глубокие следы. Пыль лежала повсюду, поднималась белесыми барханами к сизому небу. Мне во что бы то ни стало надо выбраться отсюда. Малейший ветерок или неосторожное движение могут поднять целые тучи этой пыли, и тогда я задохнусь.

Шла я очень медленно, хотя мне следовало торопиться: я знала, что у меня совсем нет времени.

Сначала среди полусгнивших развалин, засыпанных пылью, потом по полю. Наконец передо мной вырос настоящий бархан, и я совсем было растерялась, но заметила цепочку чьих-то следов по склону. Значит, кто-то прошел здесь до меня и не провалился.

Я осторожно ступила в один из отпечатков. Пыль, видимо, уже слежалась и стала довольно плотной. Поднявшись по бархану, я оказалась на его гребне и увидела внизу обширный двор, запущенный, замусоренный. Но все-таки это уже

не зыбучая пустыня, а земля. Там дальше глухой забор, если найти выход, то дальше будет улица. Я почему-то уверена, что за забором – улица. А по ней-то я уж как-нибудь выйду туда, куда надо.

Я спустилась с бархана, пересекла двор и увидела калитку. Наконец-то!

Время, время!

– Мария! – услышала то ли стон, то ли шепот.

Ну вот, начинается...

Они стояли толпой, вдалеке, не шевелясь, только смотрели. Ко мне тянули руки, звали. Я опустила голову и хотела пройти мимо, вот же она – калитка. Но ведь меня ждали. Две женщины: помоложе и постарше, похожие, словно мать и дочь.

– Мария, – робко заговорила та, что помоложе. – Подожди, Мария!

– Извините, мне некогда, – невежливо ответила я.

– Мы не задержим, не задержим, – быстро заговорила старшая. – Скажи, ты придешь к нам? Осталось всего несколько дней, ты ведь придешь?

– Я вас не знаю...

– Мария, не отказывай, – заискивающе попросила та, что помоложе. – Мы умрем через три дня, мы обе, сразу, понимаешь?

– Откуда такая точность? – засомневалась я.

– Здесь не обманывают, – ответила женщина.

– Но я-то при чем?

– Проводи нас, пожалуйста! – та, что помоложе, сложила молитвенно руки, вторая молча смотрела на меня. Они ждали ответа.

Вдруг к нам подбежала тощая старуха – буквально кожа да кости, и зубы желтые, лошадиные. Кривляясь и подпрыгивая, она стала просить:

– И меня, и меня!

Толпа зашевелилась, слышались стоны, вскрики.

«Ну все, мне не уйти!» – испугалась я. На этот раз мертвецов слишком много. Калитка закрыта, мерзкая старуха приплясывала, как черт на веревочке, преграждая путь.

И тогда меня кто-то словно под локоть стукнул. Я подняла руку и перекрестила ее.

Тут старуха резко вильнула в сторону, укрываясь от креста, закачалась, вихляясь, будто резиновая.

– Сгинь, – посоветовала я. Она юркнула в толпу, затаилась.

– Мария! Помоги нам! – снова слышались стонущие голоса.

Они не нападали, даже не приблизились. Просто просили. Я вспомнила женщину в кафе, ее слова: «Ты единственная, кто может им помочь». С трудом преодолев свой страх, спросила:

– Но что я могу сделать?

– Дорога! Покажи нам дорогу! – слышались голоса.

Вот те на!

– Какую дорогу?!

– Мария, мы не можем здесь оставаться, но и уйти не можем. Мы ждали тебя! Ты наш проводник...

Мамочки мои! Да где же я нахожусь? Где это – «здесь»? Что за место такое? Я же сплю, и мне просто снится... Если я сейчас проснусь, то окажусь в своей комнате. А если не проснусь? Или проснусь не дома... А вдруг это не сон?! Может, я уже на том свете?! Господи, помоги! Ведь та женщина из кафе обещала, что будет рядом. Но ее нет, я одна, где – неизвестно!

Надо срочно что-то предпринять. Срочно, срочно, срочно!!! Иначе прямо сейчас сойду с ума!

Бежать! Я должна бежать! Но как же оставить их тут? И как им помочь? Да, я провожала Ваню, но это получилось само собой, я точно знала, что должна делать, куда идти, как защищаться. А теперь? Теперь от меня требуют принять решение. А я ничего не понимаю. Где же помощь?! Мне надо немедленно найти тех, кто объяснит и научит!

– Вот что, – обратилась я к мертвецам. – Вы пока побудьте тут. Я все узнаю и постараюсь помочь. – И добавила виновато: – Я к вам вернусь. Дождитесь.

Толпа качнулась. Некоторые, как мне показалось, вздохнули с облегчением, заговорили хором, но негромко, слов не разобрать. Разбредились.

Я распахнула калитку и действительно оказалась на улице.

Абсолютно безлюдной, широкой и прямой.

Где-то внутри вспыхнул страх. Я знала, что сплю, и мне захотелось немедленно проснуться, но я не могла. Страх перерос в настоящую панику. А что, если я навсегда останусь в этом жутком месте?! Что, если не смогу вырваться?! Я ускорила шаги, потом побежала. Я бежала, почти летела, не разбирая дороги.

Пока не наткнулась на нее: маленькую японку в красном кимоно. Я бы не стала задерживаться, но пройти мимо не получилось. Рядом с девочкой в красном – целая команда: ошетинился метровыми иглами шарообразный монстр, скалит узкую длинную пасть здоровенный волк, больше похожий на гигантскую крысу. Третий, злобный карлик с лицом, как печеное яблоко, единственный напоминал человека, даже какая-то рванина вместо одежды. Я попятилась: у «гнома» под мышкой был зажат внушительных размеров боевой топор.

Путь отрезан.

«Все! Не уйти!!!» – вспыхнуло в голове.

Странная четверка почему-то не нападала.

– Куда бежишь? – спокойно спросила девочка.

И тогда я подумала: действительно, куда?

– Я хочу домой, – неуверенно ответила я.

– Боишься? – уточнила она.

– Наверное, – пришлось признаться.

– Не надо, не бойся, это же твой сон. – Она оглянулась.

Я машинально посмотрела по сторонам и под ноги: все та же безлюдная улица, крыши домов торчат из-за высоких заборов, спутанные ветви деревьев царапают небо, потрескавшийся асфальт, запустение... Надо же, я узнала это место, улицу, на которой стоит дом моей бабушки. Мне почему-то стало стыдно, как будто девочка пришла ко мне в гости, а у меня не убрано.

Но сон-то действительно мой. Так чего же я испугалась? Мертвецов? Ах да, мертвецы! Я обещала помочь, а сама сбежала. Нет-нет, не сбежала, я хотела найти помощь, но потом испугалась... И вот встретила маленькую японку. Странно...

– Что ты здесь делаешь? – спросила я.

– Тебя жду, – просто ответила она.

– Зачем?! – удивилась я.

– Ты же просила помощи...

Она что, подслушала мои мысли? И вообще, кто она такая? Пятилетняя кроха хочет мне помочь? Невероятно! А эти ее страшилища, они зачем? Ничего не понимаю!

– У тебя тут грустно, – сказала японка. – А в моем сне очень красиво, – похвасталась она. – Хочешь посмотреть?

Она звала меня к себе.

Я даже о мертвецах забыла.

Глава 8. Граница

Мне стало интересно. Что снится девочкам-японкам? Анимешки, сады камней, причудливые деревья, кажется,

они называются бонсаи, бумажные фигурки оригами, цветущая сакура?..

Девочка шагнула навстречу и взяла меня за руку.

Отчего-то закружилась голова, я невольно закрыла глаза, запахло яблоками, нагретыми солнцем листьями и еще чем-то летним, вкусным, жарким.

Я снова открыла глаза и засмеялась. Ноги тонули в высокой траве, солнце пробивалось сквозь листья и гладило кожу, полевые цветы тянулись к нему, яркие, желтые, белые, синие. В камышах пряталась речка, плескала у мостков, журчала о чем-то. И все вокруг было таким ослепительно зеленым и васильково-синим, пронизанным солнцем, живым и настоящим, что я в первый момент даже забыла, что нахожусь в чем-то сне. Таким родным и знакомым вдруг повеяло, так было хорошо! Совсем как в детстве.

И я побрела куда-то, бездумно улыбаясь, забыв обо всем – и о мертвецах, и о японке с ее жуткими монстрами.

Благодарь!

Луговая трава расступилась, я вышла на проселочную дорогу, тянущуюся вдоль речки, и тут увидела уже знакомых мне мертвецов. Они стояли, боязливо сбившись в кучу, измученные, бледные, и смотрели на меня так, как будто я – их последняя надежда. Вертлявая старуха пряталась за спинами, корчила рожи. Ладно, пусть корчит, мне-то что...

Я посмотрела вверх. Здесь не было солнца и не могло быть, лишь золотистый туман поднимался вдалеке, на гори-

зонте, хотя и горизонта не было.

Река застыла, вода лежала неподвижно, как тусклое стекло.

Я узнала это место. Не знаю как, но узнала. Память подсказала – ГРАНИЦА. Так просто, как будто я была здесь тысячу раз. Грань мира живых и мира мертвых. Оказывается, мои сны совсем близко от пропасти между мирами.

Дорога у меня под ногами вела туда, в точку перехода. Это мне тоже было известно. И страх куда-то пропал, вместо него появилась уверенность. Я ЗНАЛА!

Люди зашевелились, заговорили: «Проводник, проводник...» У меня больше не было сомнений: да, это меня они называют проводником. Я снова вспомнила, как вела Ваню. И еще ту женщину в кафе. Она ведь пыталась мне объяснить, а я не слушала...

– Не бойтесь, – обратилась я к мертвым, – здесь не опасно. Я провожу...

Дорога заросла бурьяном, покрылась тонким слоем беле-сой пыли. Пыль бесшумно осыпалась, поднималась над идущими невесомым облаком. Скоро дорога исчезла под наступающей зыбью, ее затянула вездесущая пыль. Кто-то нагнулся, зачерпнул пригоршню:

– Да ведь это пепел, – сказал удивленно.

– Прах и пепел, – вторили ему.

– Не отставайте! – прикрикнула я, шагая вперед. Мертвецы растянулись цепочкой, ступая за мной след в след. Мы

шли по безжизненной пустыне, сплошь покрытой пеплом, тонкой золой вперемишку с костями, на нас давила серая мгла, наполняла отчаянием и безысходностью. Вдруг что-то случилось. Заплакала женщина, тонко, протяжно. Я сцепила зубы, чтоб самой не расплакаться. Мне нельзя, я проводник. Только я чувствую под ногами дорогу, только я знаю, куда идти.

Знаю.

Но откуда?

Серые хлопья пепла медленно падали на нас. Тоска, тоска... Безмолвие, холодное, равнодушное, тупое.

В какой-то момент мне показалось, что вот еще один шаг, и я задохнусь, упаду, и меня засыплет пеплом вместе с остальными.

Кисть сжали теплые пальцы. Я вздрогнула и посмотрела. Рядом семенила девочка-японка, держа меня за руку.

– У нас с тобой один сон на двоих, – сказала я.

– Нет, это граница, – отозвалась она.

– Здесь всегда так?

– По-разному, – ответила девочка.

Мы довели мертвецов до моста, перекинутого через застывшую реку. На другом берегу клубился туман. Невозможно было что-либо рассмотреть.

Остановились.

– Дальше – сами, – распорядилась я.

Они боязливо поглядывали на ту сторону и не двигались

с места. Одна из женщин воскликнула: «Мама!» – и бросилась вперед. Из тумана показались человеческие фигуры, они призывно махали руками. Моих покойников явно встречали. Вскоре вся группа сдвинулась с места и, кто скорым шагом, кто медленно и неуверенно, устремилась к мосту. Потом все исчезли в тумане. Старухи среди них не было.

Отстала, что ли?

Я хотела за ней вернуться.

И проснулась.

Глава 9. Проводник

– Выходит, ты действительно проводник мертвецов, – уверенно заявила Ольга, выслушав мой спутанный рассказ.

Я лихорадочно передирала из ее тетради задачу по алгебре. В последнее время я совсем забросила учебу. Да и как тут учиться, если в голове такой сумбур, к тому же постоянная усталость? Я чувствовала себя осенней мухой.

– Похоже на то, – нехотя призналась я, – но, если честно, не могу поверить. Я все жду, найдется кто-нибудь умный и объяснит все как-нибудь просто: подростковый гормональный взрыв, со временем пройдет, и все такое...

Олька даже руками всплеснула:

– Что ты такое говоришь! Как можно! Ты же избранная! Ты знаешь такое, о чем другие и не догадываются! И хочешь от этого отказаться?

– Побыла бы ты в моей шкуре, не то бы запела! – огрыз-

нулась я.

– Да я бы с радостью! – не унималась Ольга.

Я помахала тетрадкой перед ее носом:

– Смотри, я всю домашку у тебя списываю, не соображаю ничего! Сколько я еще продержусь? Как думаешь? А потом? Привалила радость, ничего не скажешь!

– Да я за тебя! Да я! – зачастила Ольга. – Не только домашку, я за тебя экзамены буду сдавать, если захочешь! За двоих буду учиться!

Я не выдержала и рассмеялась:

– Скажешь тоже...

Ольга молитвенно сжала руки.

– Ах, если бы только я могла, хоть одним глазком! Слушай! – горячо зашептала она. – А что, если пойти вместе с мертвецами туда, ну, за границу?

– Нельзя, – отрезала я.

– Как ты не понимаешь! – завела старую пластинку Ольга. – Вдруг я бы смогла что-нибудь узнать о Ване? – она опустила голову и чуть слышно добавила: – Если, конечно, они там помнят о нас.

– Там не забывают... Уж я-то знаю. Они теснятся в моих снах, являются уже не поодиночке, а толпами. И требуют, требуют, требуют!

– Мне так хочется тебе помочь! – умоляла подруга. – Я часто думаю, почему ты? Почему не я?

– Ты же сама говорила – так вышло. Я не просила...

– Знаешь, – ее глаза заблестели, как в лихорадке, – если бы ты попросила, я бы тебя взяла!

– Оль, я не уверена, что смогу, – призналась я. – Ведь я еще толком не знаю, на что способна, даже не знаю, смогу ли тебя защитить. И еще, мне кажется, Ваня очень далеко, понимаешь? Мне туда путь заказан, во всяком случае пока. Я брожу где-то на границе, возможно, я и есть пограничник, ну, или что-то вроде того.

– Хорошо, возьми меня на границу, может, я хоть что-то смогу узнать. Я тебе обещаю, что буду слушаться, беспрекословно подчиняться, не стану мешать, капризничать, только возьми!

Я сдалась.

– Хорошо, возьму...

Мы договорились о времени выхода. Это была ночь на новолуние.

Глава 10. Дом

По ночам я возвращалась к старому дому бабушки и деда. Он возвышался посреди двора неприступной громадой и не пускал внутрь. Гроб с дорожки исчез, путь во двор свободен. Я бродила по двору, среди высохших вишневых деревьев, ветви похожи на колючую проволоку. Ничего живого не осталось: полуразрушенный сарай, разбитые дорожки, поваленный штакетник.

Я садилась на деревянный чурбан для рубки дров и ждала.

Сама не знаю чего.

Однажды увидела деда. Пошла за ним, поднялась по ступенькам крыльца, заглянула на веранду. Он рубил мясные туши, крякая с остервенением. Я испугалась: мне показалось, что он рубит человеческие трупы.

Я хотела остановить его, но он не слушал. Сказал, что здесь очень много работы – мусор скопился.

И я поняла, что теперь он окончательно поселился здесь.

– Я хочу войти, – попросила деда.

– Это твой дом, входи...

Дом впустил.

Сумрак и запустение встретили меня.

Надо открыть ставни! И вообще сделать здесь генеральную уборку.

Меня как будто услышали: распахнулись ставни, стало светлее. Я сбросила с кровати несвежее белье, долго выгребала залежалый мусор. Сначала одна, потом ко мне присоединился дед.

«Вот если бы впустить сюда немного солнца, и чтоб ветка вишни шелестела у окна», – подумала я. Светлая полоска легла на половицы, за окном ожила старая вишня. От печки потянуло теплом, на круглом столе появилась скатерть с бахромой, та самая, на которой я в детстве заплетала косички.

На дедовой кровати подушки горкой, под кружевным покрывалом, зеленые дорожки на полу, фотографии на стенах, крахмальная салфетка на телевизоре...

– Как хорошо! – восхитилась я.

А дед ничего не сказал, как будто так и должно быть. Прав, наверное.

Я засыпала у себя в комнате, а просыпалась в старом доме.

Однажды дед разбудил меня. Я подняла голову. Оказалось, что сижу за столом в большой комнате, уснула, положив голову на руки.

– Так нельзя, – сказал дед.

– Почему?

– Ты очень устаешь. А тебе нужны силы для жизни.

– Но я не могу иначе.

– Можешь, – дед у меня суровый, и в жизни таким был. – Это твой сон. И дом твой.

– Он и твой тоже.

– Да, потому что ты так захотела.

Я не совсем понимала, о чем он. Мне просто хотелось, чтоб мои сны были, как в детстве, цветными, теплыми и радостными. Конечно, когда тебе приходится провожать умерших, это не слишком радостно, но... гораздо приятнее, заснув, оказаться в мире своего детства, чем в пустыне, усыпанной пеплом.

– Мне бы воды, – попросила я. Ужасно хотелось пить. Дед повел меня на веранду, там стоял старый умывальник, он сам его сделал когда-то. Я нажала на сосок, но вода не полилась. Ее не было ни капли. Я взяла ведро и пошла к колонке. Там должна быть вода, я знала.

Это прямо через дорогу.

Все было, как раньше: улица, заборы, деревья. Колонка дала много холодной воды, а когда я возвращалась с полным ведром, то увидела цветущие ирисы возле нашего забора.

Осколок моего мира постепенно оживал, питаюсь моей памятью.

Стали приходить незваные гости. Не знаю, как они находили меня. Я вообще не представляю себе, что чувствует душа после смерти. Может быть, мой маленький мирок совсем рядом с границей? Может, пространство моих снов как-то соприкасается с иными пространствами? И с пространством смерти? Может быть, очутившись в пустыне из пепла, умершие видели крохотный островок, так похожий на жизнь, и их влекло к нему, как к последней надежде?

Они возникали, испуганные, изможденные, стояли у ворот или подкрадывались со стороны огорода и прятались во дворе или в сарае.

Я находила их в самых неожиданных местах: среди кустов смородины, на чердаке, в курятнике, в летней кухне. Вытаскивала из укрытий, сбивала в группы и водила к границе.

Я и сама не поняла, как так получилось, что дом моего детства стал отправной точкой для умерших. Или перевалочным пунктом, даже не знаю, как лучше сказать. Уходили не все. Кто-то оставался, я расселяла их по другим домам, благо их целая улица, а не хватит, так можно и еще создать. Я перестала задумываться над тем, почему умерших

надо провожать. Надо – и все. Поначалу я еще слушала их жалобы, невнятные рассказы, просьбы. Выполнить их все у меня просто не хватило бы ни сил, ни времени. «Неприкаянные души» – так я называла их. Почему? Сама не знаю. Скорее всего, многие из них были очень одиноки при жизни, за них просто некому было помолиться.

Но появлялись и другие...

Как-то я обнаружила у стены сарая целый склад гробов, стоявших штабелями. Явно использованные, не новые, почти одинаковые дешевые гробы. Неровно стояли, того и гляди рухнут. Все пустые, кроме одного. В нем лежала женщина, обложенная пузырями со льдом и ватой, пропитанной какой-то химической дрянью, очевидно, чтоб предотвратить разложение. Ухищрения помогали плохо. Тело разлагалось, лицо и руки покрывались синюшными пятнами. Покойница открыла глаза, села и стала жаловаться на неудобство:

– Ну кто же это выдержит! Сама попробуй полежи тут! – Она хотела выбраться из гроба.

Я покосилась на испачканную вату и пятна на подушке:

– Нет, спасибо, предложение, конечно, заманчивое, но я как-нибудь обойдусь. А вам верю на слово.

– И что же мне делать? – спросила умершая.

– Умыться, – посоветовала я, – а это все – сжечь!

– Сжечь! – обрадовалась она. – Конечно, сжечь!

– Погодите-ка, – я склонилась над гробом, разглядывая довольно странный предмет. – Что это? – Я осторожно, дву-

мя пальцами взяла черный камешек, по форме напоминающий яйцо. – Откуда это у вас?

Женщина удивилась не меньше моего:

– Понятия не имею! Кто-то подбросил! О люди, люди!

– То есть вам он не нужен? – уточнила я.

– Мне?! Вот еще! Зачем?

– Ладно, – пробормотала я и сунула находку в карман.

Вода из колонки заметно освежила ее. Потребовалось всего-то два ведра. А потом мы с ней вместе соорудили громадный костер из гробов. Хорошо горело, с треском. Сосновые, наверное...

Покойница повеселела и как-то быстро освоилась. Она так прямо и заявила мне:

– Куда же я пойду? Мне и здесь хорошо!

– Оставайтесь, – разрешила я.

На огороде появилась первая травка. Деревья покрылись зеленой дымкой. Неужели и здесь наступила весна?

Проснувшись, я первым делом поискала камень. Нашла. Нашупала в складках простыни. Ага! Вот ты где! Извлекла, осмотрела.

Как будто курица снесла. Такая черная курица, а может, змея. Змеи ведь тоже яйцекладущие, или несущие? Вот только любое яйцо можно запросто разбить, а это не поддается. Даже поцарапать невозможно. Постой-ка, а ведь я уже видела такой.

Я полезла в ящик стола и нашла камень, непонятно как

залетевший в мое окно. Вытащила. Хм, абсолютно одинаковые.

Глава 11. Ловушки

Если бы не ловушки, мою жизнь можно было бы назвать сносной. Провожать умерших я привыкла довольно скоро. Человек вообще ко всему быстро привыкает.

Мой маленький мир был местом почти безопасным. Дорогу к границе я всегда находила по наитию, наверное, если бы я была собакой, то сказали бы, что у меня феноменальный нюх. Точнее, так – я вела умерших, а дорога сама ложилась мне под ноги.

Казалось бы, я веду, значит, надо просто шагать за мной, и все. Только вот некоторые сворачивали. Оказалось, мои неприкаянные интересуют не только меня. На них ведется непрерывная охота. Стоило мне зазеваться или расслабиться, как кто-нибудь исчезал. Я не могла бросить остальных на дороге, не могла сразу же кинуться на поиски. Приходилось возвращаться после того, как группа благополучно переходила границу, и искать заблудившихся. А это не так-то просто.

Те, кто охотился, не нападали открыто. Однажды я вела двух женщин.

Вдруг одна бросилась в сторону с криком: «Я сейчас, подождите!» Я с удивлением посмотрела ей вслед. Что могло ее так привлечь? Но ничего не увидела. Серое марево, ноздре-

ватый валун у дороги, формой напоминающий диковинного зверя – горгулью, сложившую крылья.

– Стой! – заорала я, но было поздно. Женщина исчезла, как не было. Вторая испуганно тыкала пальцем куда-то и лепетала:

– Там, там...

– Да нет там ничего! – я разозлилась. – Что вы за люди такие! Ни жить, ни умереть по-человечески не можете!

Я схватила ее за руку и потащила за собой в сторону от дороги. Ох, и намучилась же я с ней! Едва мы свернули, как вокруг сгустился мрак, все размылось, я потеряла направление: где верх, где низ, я уже ничего не соображала, мы с моей подопечной болтались в густом тумане, среди многочисленных искорок. Навалилась абсолютная тишина, даже уши заложило.

– Эй! – крикнула я и не расслышала собственного голоса.

Я знала, как разогнать туман. Просто знала – это было внутри меня. Достаточно поднять руки и приказать ему рассеяться. Но как раз этого я сделать не могла: тогда потеряла бы и вторую женщину.

Я почти отчаялась, и тогда где-то на краю сознания возникла алая точка – девочка в красном.

– Помоги же мне! – беззвучно попросила я.

Меня услышали. Я отчетливо разглядела рядом с собой ноздреватый валун, по форме напоминающий горгулью. И карлика, со всего маху обрушившего на камень свой топор.

Горгулья заверещала, забила крыльями, но не смогла подняться. Из раны, нанесенной гномом, потекла горячей смолой черная жижа. Горгулья застыла, камень треснул, а там, внутри, как в скорлупе, сидела, свернувшись калачиком, сбежавшая женщина. Правда, от нее прежней мало что осталось – бледная тень. Я извлекла ее из камня, как сверток папиросной бумаги, ломкий и пожелтевший от времени.

Она не могла идти, вообще ничего не могла.

Мы снова стояли на дороге.

– Спасибо, – я искренне поблагодарила гнома. Тот лишь угрюмо кивнул.

Мы подошли к маленькой станции: одинокий домик в чистом поле и ветка узкоколейки, заросшая сорняком.

Почти сразу подкатил поезд – маленький локомотив и несколько вагонов.

Двери открылись, на нас смотрел проводник. Древний старик в ветхой форме железнодорожника. Я подтолкнула свою подопечную вперед. Она взобралась по ступенькам, проводник посторонился, давая ей пройти. Я протянула ему то, что осталось от спасенной гномом второй женщины.

– С багажом нельзя, – бесстрастно отказал проводник.

Дверь захлопнулась, поезд тронулся, быстро набрал обороты и умчался. Гном тоже куда-то подевался. А я осталась. Точнее, мы.

Пришлось возвращаться.

Я перенесла хрупкую тень в свой сон и поселила в доме.

С этих пор я решила быть с мертвецами построже.

Даже придумала что-то вроде инструктажа. А что, удобная штука! На многих действует. Люди в жизни привыкают к всевозможным инструкциям. Правда, они не всегда их выполняют и иногда расплачиваются за это не только здоровьем, но и жизнью. Моя техника безопасности могла помочь им преодолеть самый главный рубеж и благополучно пересечь границу, в случае невыполнения... В общем, я предъявляла им жалкие останки той, что попала в ловушку.

Инструкции были просты: слушать только меня и ни в коем случае не сворачивать с дороги. Вот и все.

Глава 12. Мертвецы наступают

Ольга пришла ко мне, как мы и договаривались, с ночевкой. Мы обе заметно нервничали. За ужином я лично есть не могла, зато Ольга лопала так, будто голодала неделю.

– Девочки, у вас все в порядке? – спросила мама.

Пришлось сделать вид, что все просто отлично, волшебное, феноменально прекрасно! Кажется, переборщили. Мама недоверчиво покачала головой.

Пришлось, конечно, показать Ольге камни. Она долго крутила их в руках, морщила лоб, соображала.

– Огнем пробовала? – спрашивала она.

– Да все я пробовала! Ничего с ними не делается!

– А ты уверена, что они из сна? – уточнила Ольга.

– Один-то уж точно!

– Ну, просто из сна невозможно ничего принести, – неопределенно отозвалась подруга, со вздохом возвращая мне камни.

– А у меня вот получилось...

И снова ее понесло:

– А вдруг это свернувшаяся галактика?! Или даже Вселенная! Какой-нибудь антимир!

Я вылупила глаза, а Ольга воодушевилась еще сильнее:

– Яйцо дракона! Нет, бомба замедленного действия! Придет время, она развернется и... ба-бах!

– Какой ба-бах?! – возмутилась я, пряча камни подальше, в ящик стола. – Не выдумывай. Откуда в моем сне бомба? Головой надо думать! Первый в окно влетел, второй я в гробу нашла, значит, он или они оба имеют какое-то отношение к моим мертвецам.

– Ах, они уже твоими стали! – съязвила Ольга. – Что же ты их не расспросила?

– Спрашивала! Они сами не знают!

Мы снова чуть не поссорились. Спорили до хрипоты, устали, сошлись на том, что камни пока могут лежать. Если они из сна, то, может, сами и исчезнут. И вообще, со временем, когда у меня опыта прибавится, все станет понятно.

Ближе к полуночи мы закрылись в комнате, легли на диван и замерли, уставившись в потолок.

– Что мне делать? – спросила подруга.

– Просто возьми меня за руку.

Переход получился легко. Я давно привыкла к мгновенным перемещениям, правда, сегодня я была не одна, но присутствие подруги не повлияло на мои способности.

– Где мы? – спросила она, озираясь.

– Так, кусочек восстановленного мною мира, – ответила я.

Это действительно всего лишь кусок, осколок, остров, собранный из воспоминаний. Он существовал где-то в хаосе распада, клочков и обрывков, у самой границы.

– Здесь никогда не бывает солнца? – спросила подруга, оглядываясь. – Я помню, ты говорила об этом.

– Иногда бывает, – сказала я, – но это не солнце, а золотой свет, я не знаю, где находится источник.

Мы шли, держась за руки. Проходили мимо пустых многоэтажек с темными окнами. В одном дворе, в кустах, обнаружили заброшенную песочницу.

– Откуда все это? – спросила подруга.

– В основном это мои воспоминания, но часто я и сама сталкиваюсь с непонятными вещами. Трудно сказать...

Потом она заметила открытое полуподвальное окно, там светился крохотный огонек и слышались голоса.

– Люди! – встрепенулась Ольга и, бросив мою руку, побежала к окну.

Вот это она зря сделала. И ведь знала же я: Ольга воспользуется любой возможностью, чтоб только расспросить кого-нибудь из местных обитателей о Ване. Но общение с ними не всегда приятно. Да и не могут они ничего расска-

зять. В подвале прятались неприкаянные души. Оттуда прямо-таки разило холодом. Они были истощены долгими скитаниями между мирами и теперь, спрятавшись в моем сне, ждали и потихоньку питались моей памятью. Откуда я все это узнала? Да ниоткуда. Инстинктивно почувствовала опасность и не хотела впутывать Ольгу. Надо же было так вляпаться! Сгусток голодного отчаяния потянулся к нам из подвального окна. Раздумывать некогда.

– Тихо! – я схватила ее за руку. – Уходим!

Она послушалась, но нехотя. Мы быстро отступили. Поздно, нас засекли. Сейчас начнется!

– Да кто они такие? – допытывалась Ольга. – Ты их знаешь? Это друзья?

– Ага, как же, – сквозь зубы ответила я.

Голоса слышались все отчетливее.

– Цепью растянулись, – пробормотала я. – Хотят взять нас в кольцо...

И мы понеслись! В жизни я никогда так не бегала, думаю, Ольга тоже. Мы перепрыгивали через кусты, одним махом перескочили песочницу, наткнулись на серую бетонную стену, побежали вдоль нее. Но я понимала: не уйти. Оставался один выход. Дом!

– За мной! – Мы оторвались от стены и побежали зигзагами, благо я отлично ориентировалась. Ольга уже ни о чем не спрашивала, моя тревога передалась ей, и она старалась не отпускать мою руку.

Голоса слышались отовсюду, нас загоняли, как волков. Я уже чувствовала, что дом может быть не спасением, а ловушкой, но все равно бежала.

Мы достигли улицы, пролетели вдоль заборов, я ударила в знакомую калитку, она распахнулась, и мы очутились на бетонной дорожке перед домом. Никто нас не встретил. Это насторожило меня.

– Сюда! – я толкнула Ольгу в палисадник. – Беги на соседний участок, туда не сунутся!

– А ты? – испугалась она.

– Я разберусь!

Я буквально перебросила ее через штакетник, отделяющий мой участок от соседнего, перепрыгнула сама. Ольга пробежала немного и остановилась у колодца. Она смотрела на меня умоляюще. И только в этот момент я вспомнила, о чем хотела спросить ее: меня интересовало, как я выгляжу ЗДЕСЬ. Сама-то Ольга ничем не отличалась от привычной: короткие шорты, топ на бретелях, сланцы... почему сланцы? Еще бы в купальник нарядилась! Я была раздражена, хотя понимала: Ольга здесь ни при чем.

За воротами собрались загонщики. Они возбужденно обсуждали что-то. Радовались, наверное.

Я залегла в неглубокой канаве, вырытой, видимо, для отвода воды в случае сильного дождя или паводка. Совершенно бессмысленное действие.

В палисадник проникли две женщины. Одна из них

несмело придвинулась к штакетнику и заметила меня. Я вздохнула. Глупо продолжать играть в прятки, когда тебя видят.

– Маша, Машенька, выйди к нам, пожалуйста, – заскулила женщина. Я вздохнула и встала из канавы. Присмотрелась. Кажется, я узнала ее. Она умерла несколько лет назад, ходили слухи, будто повесилась... Хотя ее семья упорно отрицала. Другая, стоящая поодаль, кривила рот в жалкой улыбке. Ее я тоже узнала. Была когда-то приличной женщиной, правда, сильно пила, пряталась от людей. Умерла, как говорят, «от сердца»...

Я встала, распрямилась, всем своим видом показывая, что не боюсь их. Хотя боялась, конечно, – и за себя, и за Ольгу. В основном за нее. Кто знает, что у мертвых на уме? Вдруг набросятся на нас? Мне, как говорится, по штату положено. А подруга? Без нее было бы проще. Ладно, попробую разобраться. Ведь не отстанут и не уйдут. Некуда им.

– Что вам нужно? – строго спросила я.

– Ничего, только поговорить, поговорить, – просяще затянули обе.

– О чем? – Я уже знала, что поступаю неправильно, но переступила через свое отвращение и, легко отодвинув штакетник, вернулась в палисадник.

– Маша! – закричала Ольга.

– Будь там! – приказала, не оборачиваясь.

Вместо сухой земли под ногами хлюпало весеннее боло-

то. Я провалилась по щиколотку. Дому тоже не нравились непрошенные гости.

– Ой, ой, – засуетились женщины. – Здесь так сыро, тебе лучше выйти на дорожку. Поговори с нами, а?!

Я, с трудом вытаскивая ноги из жидкой грязи, выбралась на бетон.

– Ну, слушаю!

Они тянули ко мне руки, заискивали, спрашивали о чем-то, но так невнятно, стыдливо – не разобрать.

Калитка снова распахнулась, вошла нестарая еще женщина, круглолицая, даже симпатичная, за ней – мужчина, потом еще один...

– Нам бы погреться, – попросила женщина, приближаясь ко мне. – Озябли очень, холодно...

Мужчины топтались рядом, поглядывали со страхом и надеждой. Вроде бы стояли на месте, но с каждым мимолетным движением приближались ко мне и тянули, тянули тепло. Еще немного, и я окоченею, потеряю себя и навеки останусь тут.

Шелестели голоса.

– Нас забыли...

– Нас никто не проводил...

– Расскажи, как там?

– Ты видела моих?

– А моих?

Я дернулась, отрывая от себя липкую паутину их жажды.

– Все, хватит!

Они испугались, смутились, отступили. Одна женщина облизывала пересохшие губы.

Откуда ни возьмись появились стулья и табуреты, мертвецы расселись на них, окружив меня полукольцом. За моей спиной – стена дома. Казалось, все пути перекрыты.

– Что же, мы так на улице и будем сидеть? – усмехнулась я. – Давайте хоть чайку попьем, а то мне с вами как-то зябко.

– Чайку? Чайку? – Они зашевелились, переглядываясь. – Нет, не надо.

– Почему же? Я только схожу в дом и вскипячу...

– Не надо в дом, не надо!

– Там плохой чай, – прошептала самоубийца, придвигаясь ко мне. – Заварка дешевая, они всегда покупали самую дешевую заварку. Ты просто так с нами посиди и подругу позови, нам надо побыть с живыми...

Мертвецы, как по команде, повернули головы в сторону Ольги.

– Иди к нам, девочка, – затянула самоубийца, – иди, не бойся...

Я тоже посмотрела на подругу и отрицательно покачала головой. Нельзя было брать ее с собой! Я же знала! Нельзя мертвецов подпускать к ней, она беззащитна. Надо срочно уходить!

Я встала, самоубийца тоже поднялась, меняясь на глазах. Только что она еще была похожа на человека, но сейчас на

меня смотрело синее лицо с красными узкими губами. Она вытянулась, длинная, страшная, плащ с капюшоном окутывал ее высоченную фигуру, она склонилась, шевеля губами. Остальные гурьбой бросились к Ольге.

– Маша! – что есть мочи закричала подруга.

– Сгинь, – посоветовала я монстру и начала читать «Отче наш».

Мы вернулись почти сразу. Только что был двор, и наступающие мертвецы, и синяя длинная демоница – все исчезло.

Я лежала на своем диване, еще дочитывала молитву, сухими глазами уставившись в темноту. Рядом тряслась в беззвучном плаче Ольга.

– Ну как? Посмотрела? – спросила я.

Она не ответила.

– И много узнала?

– Я не думала, не думала... – всхлипывала Ольга. – Почему они такие?

– Неприкаянные души, – ответила я, – за них некому молиться.

– И что теперь? Они ведь так и остались там?

– Да...

– И ты все равно к ним вернешься? – испуганно прошептала Ольга.

– Можно подумать, у меня есть выбор.

– Ты очень храбрая! – восхитилась Ольга. – Я бы не смогла! Они такие страшные! А та синяя, она тоже чья-то душа?

– Ольга приглушила голос, ей действительно было страшно. Ничего удивительного, превращение и меня напугало.

– Да, тоже, – со вздохом ответила я.

– Поведешь ее на границу?!

– Конечно, если захочет идти. Только, я думаю, не захочет.

Как ей объяснить? Я и сама толком еще не разобралась.

– Понимаешь, Оль, эта женщина жила рядом с нами, говорили, покончила с собой. Точно не знаю, но, судя по всему, правда. Обычно такие, как она, не доходят до границы.

– Почему?

– Понимаешь, за душами ведется охота. Поэтому им и нужен проводник, только он знает дорогу к границе. Но с дороги нельзя сворачивать: те, кто охотится, расставляют приманки и ловушки. Наверное, они рассчитаны на каждую душу, на ее желания и страсти. Не все могут себя перебороть, а я не за всеми могу уследить. У меня совсем мало опыта. Например, у таких, как эта женщина-самоубийца, почти нет шансов.

– Значит, у нее нет надежды? – по-моему, Ольга расстроилась.

– Надежда есть всегда, – заверила ее я.

Она затихла, думала о чем-то своем.

– Оль, – позвала я.

– Что...

– Как я выгляжу там?

Она не сразу ответила, вспоминала, что ли.

– Я как-то сначала не обратила внимания, – призналась она. – А потом... Да, в общем, ничего особенного. Почти такая же, только, – она снова замолчала, подбирая слова, – одежда у тебя вроде камуфляжа: штаны, куртка, ботинки на манер военных, но не совсем, как будто охотничий костюм. Удобный, наверное?

– Наверное, – усмехнулась я, – я не задумывалась. Никогда не видела себя со стороны. Мне казалось, я как-то особенно одета. Ну, там, доспехи, оружие, рыжая коса...

– Почему рыжая? – не поняла Ольга.

– Да так, – я немного смутилась, – как у персонажа в компьютерной игрушке. Я там валькирией как-то бегала.

– А-а, – протянула Ольга. – Нет, не похожа.

Упс. Красивая картинка рассыпалась в прах. Да и какая из меня валькирия? Разве грозная воительница стала бы прятаться от мертвецов в канаве?

Я думала, после нашего не совсем удачного путешествия в мой сон Ольга успокоится. Все-таки для обычного человека это как-то слишком. Я даже была готова к тому, что она перестанет со мной общаться. Мысли у меня бродили всякие: то я представляла себе, как люди постепенно отворачиваются от меня, я остаюсь в полном вакууме, превращаюсь в изгоя, ухожу от мира, поселяюсь где-нибудь в безлюдном месте и всю жизнь посвящаю борьбе с всевозможными монстрами. Такая перспектива меня немного пугала: безрадост-

ная получалась жизнь. Кому охота жить без радости?

Но Ольга, видимо, действительно любила Ваню. Или мой удел так сильно ее заинтересовал, что даже страх не останавливал.

После всего увиденного она развила бурную деятельность. Перво-наперво бросилась на поиски мне подобных. Прочесала Интернет, обложила книгами, выписывала, вычитывала, сопоставляла и... ничего не нашла.

– Не может быть! – бормотала подруга, раскладывая передо мной свои записи. – Должно же существовать какое-то объяснение!

– Ты слишком логична, – успокаивала ее я, – далеко не все в этом мире поддается человеческой логике.

Я уходила, оставляя ее блуждать среди догадок и домыслов. Меня ждала работа.

Глава 13. Дорога

Я не знала, откуда они появляются и куда уходят. А если б и знала? Что бы это изменило? Где бродит после смерти неприкаянная душа? Среди осколков своей и чужой памяти, в хаосе времен и мест, одинаково чужая для мира живых и мира мертвых. Отчаявшаяся и одинокая – легкая добыча для тех, кто охотится.

Как описать зло? Настоящее, абсолютное, к тому же активное?.. Нет ничего отвратительнее охотников. Они ловят заплутавшие неприкаянные души и приносят им оконча-

тельную смерть, пожирая их без остатка.

Я вела мертвецов среди развалин заброшенного завода. Темные корпуса, провалы окон, остовы, ржавые балки, резкий свет и бетонные плиты под ногами.

– Держитесь за мной! – то и дело приказывала я. – Не разбредайтесь!

За нами следили. Я чувствовала напряженное, пристальное, жадное наблюдение. Равнодушная ненависть и голод – точнее не скажешь. Ненависть не может быть равнодушной, но это у нас – людей. Но какова ненависть зла, ненависть, поглотившая саму себя и превратившаяся в смысл и цель?

А у меня была задача – довести до границы тех, кто рискнул. Я не уговаривала. Пошли не все. Самоубийца, например, поселилась в доме. Я нашла ее прячущейся за телевизором. От синего монстра ничего не осталось – обычная женщина, немолодая, в простеньком домашнем халате, лицо осунувшееся, черные провалы глаз. Я присмотрелась: как будто она забыла смыть тушь и та размазалась, потекла.

– Я побуду здесь? – робко попросила женщина. И я разрешила.

Другие пошли со мной.

Я никогда раньше не была на заброшенных заводах, и этот выглядел не как настоящий, а как макет, если вообще возможен макет развалин. Слишком чистые и гладкие плиты, ни битого щебня, ни мусора, только невысокие корпуса, хоть и разрушенные, но как будто вычищенные, все это выглядело

так, будто по развалинам прошлись большой щеткой, а потом еще продули ветром, да так, что и пылинки не осталось.

Следили отовсюду. Мы шли, а завод все не кончался.

Я вся превратилась в слух и чутье. Напряжение, казалось, достигло предела. И тут сзади послышался вопль:

– Смотрите! Вон там выход! Там!

Меня обогнал мужчина, галопом устремившийся куда-то вперед и влево. Я ничего не успела сделать. Воздух засвистел. Тяжелое копье, пронзив мужчину, сбilo его с ног. Он отлетел в сторону.

За моей спиной ахнули.

– Всем стоять! – приказала я.

Возле пронзенного возникла маленькая японка. Она покачала головой:

– Ничего нельзя сделать...

Древко копья на моих глазах превратилось в черное змеиное тело, оно свернулось тугой спиралью, поглотило свою жертву и взмыло вверх. Я не думала, просто подняла руки и направила на змею, она попыталась увернуться от удара, но попала под удар японки. Взорвалась, грязными ошметками пачкая бетонные плиты.

Девочка наклонилась и подняла черный камешек в виде яйца. Откуда он взялся?

– Иди, времени мало, – посоветовала японка. И снова я ничего не успела спросить.

Она исчезла, зато я увидела заводские ворота. Распахну-

тые. За ними на остановке нас ждал рабочий автобус.

Покойники, почувствовав, что опасность миновала, бросились к автобусу, отталкивая друг друга, устроили затор в дверях. Кто-то крикнул: «Не хватит мест!», кто-то завопил: «Сейчас уедет без нас!»

Я вмешалась в свалку, оттащила наиболее ретивых от дверей, поставила сзади. Руководила посадкой, пока всех не устроила. Безучастный водитель не сказал мне ни слова. Лишь когда двери захлопнулись, выглянул из окна, улыбнулся:

– Хорошая работа, – кивнул и уехал.

Глава 14. Ответы

Мы снова сидели в нашем любимом кафе. Не знаю, почему здесь нравилось Ольге. Лично я ждала, не появится ли еще та женщина, что приходила сюда один-единственный раз. А я еще подумала, что она меня разыгрывала или чего похуже. Жаль, не спросила о ней у девочки-японки. Возможно, они знакомы. Женщина так поспешно исчезла, я не успела поговорить с ней, а ведь она обещала помочь. Одной трудно. Очень!

Нам бы всем собраться, как-то обсудить наши проблемы, поучиться друг у друга.

Мысли путались. Я вроде спала по ночам как убитая, а на самом деле каждую ночь гоняла по границе. Уставала ужасно.

А тут еще Ольга тормозила меня:

– Ты снова была там? Была?

– Была...

– Когда же ты спишь? – возмутилась она. – Ты же совсем до ручки дошла! А родители? Они что, не замечают?

– Нет...

Я чувствовала себя разбитой. Разговаривать не хотелось. Вот уже две недели каждую ночь покойники буквально роились вокруг меня. Откуда их столько берется? Нет, я понимаю, люди умирают. Неужели же так часто? Раньше я никогда не думала о том, сколько людей уходит, например, за один день. Теперь этот вопрос интересовал меня больше всего. И еще: всем ли требуется проводник? Ведь есть и такие, кто сам преодолевает границу. Правда, я с ними не встречалась – по понятным причинам: зачем нам... Но я была уверена, что они существуют. Иначе я просто погибла бы от усталости.

Если бы у меня оставалось хоть немного свободного времени, чтобы подумать. Но и думать некогда.

Все вопросы приходилось решать на ходу. Можно сказать, в рабочем порядке. Я невесело посмеивалась над собой: «Стройся! Равня-а-айс! Смирна!» Да, именно так. Армейский принцип и жесточайшая дисциплина. Только нарядов вне очереди не хватает. Правда, системы наказаний никакой: они сами себя наказывают, если не слышат моих инструкций.

Кое-чего я, впрочем, добилась. Например, умершие больше не досаждали мне. Собирались во дворе дома и ждали. Оказалось, у них тоже существовала своя система оповещения. Те, кто оставался, — можно назвать их старожилами, — предупреждали вновь прибывших. Нехитрая система правил начала работать. У меня появились добровольные помощники. Часто я находила уже организованную кем-то группу. Оставалось только отвести. Иногда умерших встречали: детей — часто, взрослых — кого как.

Их было много. Я уже перестала жалеть и пытаться запомнить их лица и просьбы. Я слабела. Попадись мне на дороге какая-нибудь ничтожная опасность, зло без труда разделалось бы со мной. Но я не одна. Рядом обязательно шагали гном или волкокрыс. Девочка-японка не забывала обо мне. А мне было стыдно. Пятилетний ребенок помогает взрослой дылде!

Вот если бы и мне завести помощников! Хранителей или стражей, как их лучше назвать-то? У них не было имен, во всяком случае я никогда их не слышала, девочка обычно подзывала их тихим свистом. А я бы непременно дала своим имена. Ведь всех как-нибудь зовут. Домашние животные, любимцы, моськи всякие, коты — всех. Только ведь я не знала имени и самой девочки. Я звала ее про себя маленькая японка или просто японка. Это неправильно, пора нам познакомиться...

Но, чтоб познакомиться, надо хоть немного свободного

времени. А его-то как раз и нет. Катастрофически!

Глава 15. Просьба

– Мне нужно выполнить одну просьбу, – сказала я Ольге.

– Что?! Просьбу? Тебя о чем-то просили? Кто? – она засыпала меня вопросами. Я прикрыла глаза, встряхнула головой: ее голос болью отзывался у меня в голове.

– Там девушка одна, ждет... – попыталась объяснить я. – Вот уже третий день... сбила ноги. Ее похоронили в туфлях на высоченной шпильке, это были ее любимые. Но в них совершенно невозможно ходить.

Ольга опешила:

– А ты тут при чем?

– Не могу же я ее бросить! – огрызнулась я.

– Так пусть разуется, и дело с концом!

Я покачала головой. Пришлось терпеливо объяснять, как я нашла эту девушку. Можно сказать, случайно, просто потому, что ходила проверять ловушки для неприкаянных душ. Она сидела на камне и смотрела на свои разбитые ноги. Я вернула ее на дорогу, но дальше она должна идти одна.

– Так что же делать? – выслушав меня, спросила Ольга.

– Есть один способ, он должен сработать. Попытаюсь поговорить с ее родственниками.

– Ты знаешь, кто они и где живут? – удивилась Ольга.

– Разумеется...

– Я с тобой! И не вздумай меня останавливать!

Труднее всего объяснять незнакомым людям цель своего визита, особенно если это цель такого рода.

Пока мы разыскивали дом, где жили родители покойной, я все время думала, что скажу им? «Здравствуйте, ваша дочь просила передать, что ей необходима удобная обувь...» Интересно, сразу с лестницы спустят или все-таки выслушают, а только потом вызовут «Скорую помощь» или милицию?

– Не волнуйся, я все беру на себя, – успокаивала Ольга.

На наш звонок дверь почти сразу открылась. На пороге стояла седая женщина с измученным лицом.

Ольга подалась вперед, поздоровалась и заговорила, чуть гнусавя, пыталась придать голосу скорбное выражение, что ли...

– Мы только сегодня узнали, ах, как же это тяжело... я и моя подруга, – она толкнула меня локтем в бок, – мы хорошо знали вашу дочь, особенно она. – Меня снова толкнули.

– Да, нас многое связывало, – запинаясь, произнесла я.

Женщина посторонилась, давая нам пройти.

Усадила на диван, достала альбом с фотографиями: вот Леночка совсем маленькая, а здесь ей четыре годика, это в садике на утреннике... школа, выпускной, это она на первом курсе...

Как же мучительно сидеть в чужой квартире с занавешенными зеркалами и пытаться расположить к себе мать умершей.

Она много говорила, слова буквально лились потоком.

– Сегодня третий день, я понимаю, надо как-то смириться, но, знаете, так беспокойно на душе, так болит все! – говорила она. – Мне бы хотелось увидеть ее во сне, спросить, как там? Но она почему-то не приходит.

Я не выдержала:

– Ко мне приходила.

– К вам? – встрепелулась женщина. – И что же, что же? – Она схватила меня за руку, уставилась сухими глазами. Ждала.

– Знаете, возможно, вам покажется странным, но она просила удобную обувь.

Женщина замерла на секунду, а потом вдруг закивала часто-часто:

– Да-да-да! Понимаю! Туфли! Видите ли, мы похоронили ее в любимых туфлях... а ведь там... ей наверняка неудобно.

Я осторожно промолчала.

– Я думала об этом, представляете?

Я кивнула.

– И больше она ничего не сказала?

– Нет.

Женщина вскочила, нервно прошлась из угла в угол:

– Как же быть? Отнести пару тапочек на могилу?..

Ольга и тут нашлась:

– Может, я сейчас глупость скажу, но, знаете, мне бабушка рассказывала: у них в деревне был такой обычай – когда приходили умершие и просили о чем-нибудь, то родствен-

ники передавали просимое с другим умершим.

– Как это? – не поняла женщина.

– В вашем доме сегодня кто-то умер, – подсказала я.

– Ах да, старушка из соседнего подъезда.

– Надо положить ей в гроб обувь для вашей дочери. Та получит.

– Вы уверены? – растерянно переспросила женщина.

– Абсолютно. Только поторопитесь, – мне надоело ходить вокруг да около. – И еще, ваша дочь непременно даст о себе знать, это я вам обещаю.

– Я все сделаю, да-да-да, у Леночки были чудесные мокасины, легкие, крепкие... пожалуй, они годятся... Не совсем подходят к платью, ну так что же, не в красоте дело, а в удобстве... – лепетала она, суетливо роясь в шкафах. Найдя, повернулась ко мне, прижимая обувную коробку к груди, спросила испуганно: – Может быть, вы сходите со мной?

Я покосилась на Ольгу, у той глаза на лоб полезли. Видимо, представила, как мы сейчас втроем будем уговаривать родственников усопшей старушки. Но как я могла отказать?

– Ладно, – пробормотала я. Женщина бросилась к дверям. Мы потопали за ней.

– По-моему, перебор, – шепнула Ольга.

– Я разберусь! – стиснув зубы, ответила я. Затем забрала у женщины коробку.

В квартиру старушки мы вошли беспрепятственно. Дверь распахнута настежь, суетятся какие-то люди, гроб с телом на

столе, все как полагается.

Женщина заговорила о чем-то с родственницей усопшей, а я, не раздумывая, подошла к гробу. Склонилась и, глядя в сухонькое, обтянутое кожей мертвое лицо, попросила:

– Передайте, пожалуйста.

Сунула под гробовое покрывало мокасины, никто и не заметил.

– Сочтемся, – кивнула я покойнице.

Для приличия мы еще постояли у гроба, а потом потихоньку удалились.

Женщина проводила нас и, прощаясь, еще раз спросила:

– Так вы думаете, она даст знать?

– Да... – я вздохнула, – молитесь за нее, – посоветовала.

Женщина смутилась:

– Да я как-то не приучена, и в церкви чувствую себя неловко...

– Чего же теперь стесняться? – удивилась я. – Кажется, вам терять нечего...

Она встрепенулась:

– Да-да-да, как вы правы, вы абсолютно правы! Боже мой, да!

Честно говоря, ушла я от нее с огромным облегчением.

Ольга, та вообще была шокирована до крайности. Все думала, думала и молчала всю дорогу. Я была ей благодарна. У самой голова кругом.

Глава 16. Звонок с того света

Девушка ждала меня там же, где я ее и оставила. Только выглядела она значительно лучше, бодрее, я бы сказала, если можно так говорить о покойниках. Легко пританцовывала в мягких мокасынах и улыбалась.

– Я готова!

– Вижу, но сначала попрощайся с матерью.

Я взяла ее за руку и повела за собой, пересекая чужие сны.

Там была она. Всюду: младенец у груди, ребенок, делающий первый шаг, школьница, она, она, она, всякая, такая, какой запомнила ее мать. Младенцы, дети, девушки теснились у гроба, а в нем лежала она с лицом удивленным и немного обиженным. У гроба сидела заплаканная мать и смотрела, шевеля губами.

– Мама, – тихо позвала девушка.

Женщина подняла голову, медленно узнавая.

– Мама, я пришла... Вот, – девушка приподняла юбку, демонстрируя мокасины, – мне передали, спасибо.

– Девочка моя, – мать протянула к ней руки, – девочка моя, если бы я знала, если бы я только знала!

– Не плачь, мам, – испугалась девушка. – Смерть это не конец, это... я не знаю, что будет дальше, но я есть, пусть не такая, как раньше, но...

– Да-да-да, – быстрой скороговоркой соглашалась мать, – я понимаю, теперь понимаю.

– Пора, – напомнила я.

– Скажите, – остановила меня женщина, – а что будет с моей дочерью там?

– Не знаю, – честно призналась я, – я только проводник.

Продираться сквозь чужие сны – занятие неблагодарное. Но меня снова выручила японка, прислав дикобраза. Мы устроились на его панцирном сиденье и мигом домчали до границы.

Мою подопечную встречали. Та самая старушка, что передала ей мокасины.

– А я вас тут поджидаю, – сказала бабушка, улыбаясь. – Подумала, что Леночке одной страшновато будет.

– Мне уже не страшно, но все равно спасибо, – поблагодарила та.

Насчет них у меня не возникло сомнений. Дойдут.

– У меня просьба есть, – смутилась старушка, – ты ведь пообещала... но если нет, то я не в претензии.

– Говорите, чего уж, – я действительно сказала над ее гробом «сочтемся», а отказывать в последней просьбе как-то нехорошо.

– Видишь ли, – торопясь, заговорила старушка, – у меня там долг остался один, неоплаченный. Ты не могла бы позвонить, всего лишь позвонить по телефону и передать, что Валентина Ивановна очень сожалеет и просит прощения. Это я Валентина Ивановна...

– Ладно.

Она продиктовала мне номер.

Они ушли вдвоем по дороге туда, где я никогда не была.

А теперь я должна сделать «звонок с того света», н-да...

С утра первым делом, чтоб не забылось, не выветрилось из памяти, набираю номер телефона неведомого мне человека, слушаю долгие гудки, а потом старческий голос отвечает.

– Да, я слушаю.

– Яков Петрович? – уточняю.

– Он самый.

– Прошу прощения за ранний звонок, я по поручению Валентины Ивановны, надеюсь, помните такую?

В трубке повисло молчание, а потом раздался долгий звук, будто всхлип:

– Валя! Валюша! Господи! Так вы от нее? Боже мой! Я уж и не думал... Но как это может быть? А она сама? Как она?

– Яков Петрович, – перебила я, – Валентина Ивановна просила передать, что очень жалеет о случившемся и просит у вас прощения.

– Прощения? – удивился старик. – Да что вы такое говорите! Я никогда! Я всю жизнь любил ее! Какое прощение! Это я, я должен просить прощения! Но где же она сама? Вы кто? Дочь, внучка?

– Типа того, – соврала я без зазрения совести. – Валентина Ивановна сейчас подойти не может, но, я думаю, вы скоро увидите. Надеюсь, – добавила тише.

– Как? Когда? – зачастил Яков Петрович.

– Вам сообщат. Всего доброго. – Я нажала «отбой».

Весь день я думала о превратностях судьбы. О любви длиною в жизнь, о прощении, да много о чем.

Глава 17. Избранная

Вообще, что такое избранность? Наказание или благо? Как посмотреть. Наверное, каждый человек чувствует себя особенным, предназначенным для чего-то важного. Я знаю. Многие ждут случая, намека, приглашения, знака. Потом проходит время, дети вырастают, погружаются во взрослый мир с его проблемами, суетой, страстями и забывают. Часто забывают себя. И уже ничего не ждут.

Со мной все наоборот. Не было никакого приобщения, инициации, объяснений. Никто меня не готовил. Если бы все это было, разве я стала бы сопротивляться? Нет. Может, мне даже польстила бы моя избранность, если ее можно так называть

Выходит, мне повезло?

Мир раскрылся, показав мне, что реальность далека от наших представлений о ней. Да и что такое реальность? Тот забор, который мы ставим вокруг себя, боясь выглянуть наружу...

Я выглянула, сама не зная, что выглядываю. Просто мой забор оказался не таким высоким или не слишком прочным. Это взрослые уверены в том, что ничего сверхъестественного не существует, а раз уверены, то и не видят. У детей совершенно другие представления. А если задуматься и честно

ответить себе: откуда берутся сказки? Как рождаются легенды? Выдумка? Но зачем человеку приукрашивать действительность? Зачем населять мир воображаемыми существами? И, самое главное, почему у разных народов эти представления и выдумки так похожи?

Я перелопатила кучу литературы, обшарила Интернет, кажется, уже сейчас могу написать диссертацию о сверхъестественном в нашей жизни. Только кому нужен сей академический труд?

Мы с Ольгой долго искали хоть какие-то сведения о таких, как я. Поначалу я почему-то думала, что найду какой-нибудь форум или сайт... Наивная.

Отчаявшись, я даже сама хотела создать группу «В-Контакте» или открыть тему. Хорошо, что не сделала этого. Представляю, сколько народу набежало бы, и все с идиотскими воплями о том, какие они все ведьмы, колдуны или там роботы шестой космической иерархии. Знаю я. Серьезные люди в сети не тусуются, у них своих дел по горло. И с себе подобными связываются через собственные каналы.

Ладно, от идеи устроить себе развлекаловку в сети я благоразумно отказалась. Оставалась маленькая надежда: если такие, как я, существуют, то они меня сами найдут. Ведь нашли же меня и та женщина, и девочка-японка...

А пока надо учиться самостоятельно. И в первую очередь изучить себя, свои способности и возможности, потому что я должна уметь управлять всем этим. Иначе мой дар – как

шаровая молния: он есть, существует, но что он такое, я не знаю.

Я разберусь, у меня нет другого выхода.

Запись в дневнике

У меня не расстроенное воображение и с психикой все в полном порядке. Я уверена... почти. Просто так уж сложилось, так вышло, так карта легла. Одним словом, по ночам я не сплю, а провожаю мертвецов к Границе.

Я не знаю, что за ней, я даже не знаю, что это такое – Граница. Но я знаю: те, кого я должна проводить, без меня не справятся, они станут жертвами безжалостных ловцов души. Хуже этого быть уже не может.

Я не выбирала себе такую судьбу – быть Проводником мертвых. В этом нет ничего героического или увлекательного.

Сейчас я привыкла. Но порой ужас накатывает на меня так же, как при первой встрече с потерянными душами.

Если вы спросите меня, каково это – провожать мертвецов, я отвечу: тело мое, как ему и положено, лежит в моей комнате на диване, укрытое одеялом, а сама я в это же время нахожусь очень далеко, не в смысле километров, и даже не лет, а несоизмеримо далеко – в совсем другом измерении, где нет ни расстояний, ни времени.

Они приходят ко мне почти каждую ночь – заблудившиеся

ся, потерянные, отчаявшиеся... Некоторые даже не знают, что умерли. У них начисто отсутствует память, они считают себя живыми. Другие все понимают, но почему-то делают вид, будто их это не касается – смерть, их нынешнее состояние они воспринимают почти равнодушно, отстраненно.

Одни равнодушны, другие злы. Одни напуганы, другие точно знают, чего хотят. Одни смирились, другие пытаются удержаться, у них остались какие-то незавершенные дела, их тянет назад, они паникуют, мешают другим, пугают и пугаются.

У них, казалось бы, должен быть один Проводник – смерть. Но смерть, вместо того чтобы отправить свой урожай прямехонько по назначению, неряшливо теряет часть по дороге – вот этих-то потерявшихся я и провожаю.

Это все, что я знаю о себе и о них.

Там, в Междумирье, я выгляжу почти как в нашей реальности, разве что одета немного странно – в кожаный охотничий костюм и мягкие сапожки. Раньше я думала, что у всех Проводников такая униформа, а потом поняла: я могу выглядеть как угодно, в зависимости от настроения или обстоятельств, но так как я увлекаюсь средневековыми фэнтези, то мой наряд охотницы и воительницы возник автоматически, исключительно из подсознания.

Я предполагаю, что должны быть еще Проводники, и я точно знаю, что существуют очень злобные существа, пи-

тающиеся неприкаянными душами, — я называю их ловцами.

Откуда я знаю о них? Еще бы мне не знать! Я отнимаю у них легкую добычу, увожу из-под носа. И я сильнее их, во всяком случае сильнее тех, с кем мне доводилось столкнуться.

Моя сила их не остановит. Они преследуют меня, наносят удар за ударом, ищут слабинку. Я всегда начеку, всегда в напряжении, как бессменный часовой. У меня есть стражи — мои помощники, защитники и соглядатаи: Маленькая Японка в красном кимоно, Дикобраз, Гном и Волк. Они отражения моих детских воспоминаний, потусторонние слепки моей памяти, точнее не объясню. Но они так же реальны в Междумирье, как, например, моя подруга Ольга в нашей реальности.

Порой я боюсь сорваться, не успеть, попасть в расставленные ловушки, но ночью ко мне опять приходят заблудившиеся души и молят о помощи.

У меня нет выбора. Я — Проводник. И я веду их к Границе.

Часть 2. Пожиратели душ

Глава 1. Кляксы

Я очень люблю самолеты. Может быть, потому, что мой отец – инженер-авиаконструктор. Сколько я себя помню, он все время говорит о самолетах, ну и мне, видимо, передавалось по наследству. А еще мы каждый год в августе посещаем Московский авиасалон. И в этом году отцу, естественно, дали пригласительные. Я обрадовалась, потому что у отца есть знакомые летчики и меня обещали покатать на вертолете.

Конечно, здорово очутиться не со всеми в толпе, а на закрытом аэродроме, познакомиться с друзьями отца, залезть в кабину, все рассмотреть, потрогать. Короче говоря, мне было весело и интересно.

А потом вообще начался праздник. Появился восхитительный вертолетчик, бесшабашный, смешной, потрясающий! Он беспрестанно смешил нас, рассказывал разные байки и пообещал, что научит меня летать.

Потом он посадил нас в вертолет. Я испытала абсолютный восторг! Мы поднялись над аэродромом, и я смогла увидеть внизу крохотные фигурки людей, технику, трибуны, дома... Вертолет сделал большой круг так, чтоб я все могла рассмотреть детально. Летчик немного пошалил, пролетев совсем низко над зрителями... и в этот момент у меня как будто

стукнуло что-то внутри. Сработал какой-то датчик, как сказали бы. Я пристально смотрела вниз и старалась сосредоточиться. Что меня напрягло? Видимо, я слишком резко замолчала, потому что вертолетчик и отец сначала балагурили, а потом стали донимать меня расспросами: «Что случилось?»

А я увидела. Их было трое — черные фигуры. Внешне очень похожие на людей, они затесались в толпу и двигались вместе с ней, подражали людям, повторяли движения тех, кто рядом. Но они не были людьми. Три темных, даже черных сгустка, кляксы в виде человеческих тел. И вот эти кляксы почему-то оказались на авиасалоне.

— Мы не могли бы еще раз пролететь над этим местом? — попросила я.

— Без проблем, — весело отозвался вертолетчик. И, развернув машину, направил ее прямо к скоплению людей. Я присмотрелась. Видимо, там проходила какая-то презентация. Зрители, забыв о ней, задирали головы и показывали пальцами на нашу стрекозу. Кляксы тоже тыкали вверх черными щупальцами.

«Что такое? И зачем здесь?» — с тревогой думала я, пытаюсь как-нибудь определить то, что увидела.

Между тем кляксы перестали совершать подражательные движения и замерли, собравшись в кучку. Я могла бы поклясться: они меня почувствовали. Возможно, даже увидели, как и я их, если они, конечно, вообще могут видеть.

Они мне не нравились. От них исходила волна мерзостного... даже не запаха, нет, а как бы разочарования и одновременно агрессии.

– Смотрите на тех троих, видите? – я показала вертолетчику и отцу на кляксы.

– Вижу, и что? – отозвался отец.

– Забавные... – усмехнулся вертолетчик. – Зрители, – добавил снисходительно.

Я поняла: ни отец, ни вертолетчик ничего особенного не замечают. Для верности помотала головой, еще раз посмотрела вниз. Почудилось? Да нет! Вон же! Стоят как ни в чем не бывало и пялятся прямо на меня!

Мне стало страшно. Нестерпимо, до жути. Даже затошнило.

Я решила, что меня просто укачало. Перед глазами поплыли зеленые круги, подступила муть. Я схватилась за что-то, закрыла глаза. Не хватало еще хлопнуться в обморок! Вот стыдобища! Я попыталась себя уговорить, успокоить, но страх не проходил. Холодная волна ужаса сжала внутренности. Я стиснула зубы и опустила голову, чтоб папа не заметил моего состояния. Но он заметил:

– Маш, ты чего?

Я замотала головой и тихо спросила:

– А здесь можно приземлиться?

Вертолетчик расслышал мою просьбу.

– Нет, здесь нельзя, только во-о-н там, – вертолетчик по-

казал чуть в сторону.

– Хорошо...

Несколько мучительных минут – и мы наконец опустились на землю. Зажимая ладонью рот, я выскочила из вертолета. Отец – за мной.

– Маш, да погоди ты, – крикнул он, – тебя укачало, что ли?

– Ага, – пришлось согласиться. – Пап, подожди, пожалуйста, я сейчас...

– Ну давай, – он немного удивленно пожал плечами. А я что есть мочи понеслась к ближайшему туалету.

Отдышалась, побрызгала в лицо водой. Вроде полегчало.

«Показалось», – решила я.

Но что-то меня беспокоило. Вот бывает такое тянущее чувство, даже скорее предчувствие беды. И еще меня неудержимо тянуло проверить: я должна была убедиться, что ничего страшного и необычного на самом деле не видела. Поэтому я вышла из туалета и направилась к толпе.

Над головой ревели летящие самолеты, я то и дело инстинктивно пригибала голову.

Я снова увидела тех троих. Они стояли, практически слившись в один черный ком. По нему то и дело пробегали волны, внутри все время что-то перемещалось, бурлило, как в котле с кипящей смолой. Клякса не двигалась.

Я в некоторой растерянности стояла рядом и не знала, что делать.

Я почувствовала, будто что-то коснулось моего сознания.

Фу, мерзость какая! Как будто липкие щупальца в мозгу ковыряются.

Я не могла оторвать взгляда от кляксы, и, когда услышала крики, не сразу поняла: что-то случилось.

Люди рядом заволновались. Кто-то побежал, меня толкнули, я оступилась и чуть не упала. Клякса мгновенно распалась на ошметки и лоскуты, они потускнели, стали серыми, дымчатыми, прозрачными и исчезли совсем, словно и не было. Сразу стало легче дышать, напряжение пропало, лишь легкое покалывание в кончиках пальцев. Я вздохнула и только потом всполошилась. Да что же это такое? У меня что, крыша поехала? Вокруг меня настоящая паника. Были сирены, бежали люди, все что-то кричали, показывали куда-то пальцами. Я в растерянности оглянулась, и в этот момент кто-то схватил меня за руку. Я вздрогнула, чуть сама не заорав. Это был папа. Он казался очень встревоженным:

– Маша, немедленно домой.

– А что случилось, что случилось, пап?! – Я еле поспевала за ним.

– Она еще спрашивает! Не видела, что ли?

Я ничего не понимала. Отец сердился. Какая-то женщина крикнула: «Самолет! Самолет разбился!»

– Да где же, где?!

– Туда, туда смотрите!

– Туда упал!

Я торопливо шагала за сердитым отцом и с ужасом дума-

ла: «Авария? Вот здесь? Сейчас? Прямо во время шоу?» Но как, когда? Где я-то была? О кляксах я мгновенно забыла. Расспрашивать отца о случившемся не решилась.

Отец посадил меня в автомобиль к каким-то своим знакомым, велел немедленно позвонить маме, сообщить, что с нами все в порядке, а он задержится. Вот и все.

Дома я снова вспомнила о кляксах. Мне почему-то показалось, что их появление как-то связано с катастрофой. Но потом вернулся отец и долго рассказывал маме об обстоятельствах аварии, о чьей-то вине, о нарушениях техники безопасности и всякое такое. Выслушав его, я подумала, что слишком много читаю ужастиков, вот и мерещится.

Уснула как убитая.

Видела во сне человека без лица. Точнее, вместо лица была черная жирная клякса. Обгорелый и страшный, он гонялся за мной по громадному полю, среди обломков самолетов. Целая стая черных клякс носилась вокруг. Человек без лица чего-то требовал... Не помню. В последний момент, когда кляксы загнали меня и отрезали путь, он бросился на меня. Я завопила от ужаса и выставила руки вперед, защищаясь.

Это был кошмар, я проснулась от собственного крика. И родителей разбудила. Мама принесла мне воды, успокаивала, гладила по голове, вздыхала...

Я давно не боюсь мертвецов. Каждую ночь провожаю к границе умерших, нуждающихся в моей помощи и защите. Какой уж тут страх. Я привыкла. Обычная работа, хлопотная

очень, это да. Мертвые, они тоже разные встречаются. Никто не знает о моих ночных приключениях, кроме подруги Ольги.

Мои сны наполнены мертвецами. Я даже создала для них маленький мир, осколок памяти, дом моего детства.

А этот человек без лица напугал меня. Там, во сне, произошло что-то очень важное. Но что, я никак не могла сообразить.

И еще, меня беспокоили черные кляксы, которые я увидела на авиасалоне. Что, если они как-то связаны с аварией и моим кошмаром?

Глава 2. Из детства

В детстве мне снились странные, очень яркие сны, но я думала, что все люди видят такие же. Однажды спросила у своей подруги, что снится ей. Она подумала и ответила: «Знаешь, я не запоминаю...» Я не удивилась. Подумаешь: одни помнят, другие – нет. В своих снах я летала, встречалась с прекрасными существами, добрыми, волшебными, и они становились моими лучшими друзьями; видела какой-то другой мир, красочный, нездешний. Я любила свои сны. Но особенного значения никогда им не придавала. Вот только сейчас, вспоминая, пытаюсь вернуть. Чувствую себя начинающим художником. Вот он несмело смешивает краски, делает первые мазки на холсте... На самом деле я не рисую, создаю свой мир, маленький мир на границе реальности, меж-

ду ЗДЕСЬ и ТАМ. Мне очень хочется, чтобы там было все как в детстве: яркое, солнечное, доброе. Если я не буду стараться, мой мир исчезнет под слоем пепла, а потом расплывется, как гнилая ткань, растворится в хаосе забытых событий, поступков и слов. Этого нельзя допустить. Мой мир нужен не только мне, но и тем, кто уходит.

Хотя нельзя сказать, что все мои сны были такими уж радужными. Иногда они пугали или казались странными, необъяснимыми. Как тот, где я впервые увидела черноволосую...

...она летела над землей, невысоко так, чтобы я могла хорошенько разглядеть ее черные волосы и волны василькового платья, красиво выходящего на встречном ветру. Она была как нарисованная акварелью картина, и все-таки живая, смеющаяся, удивительная. «Фея», – подумалось.

Она смеялась и звала меня.

«Вот бы и мне так летать», – подумала я и побежала следом за васильковой женщиной. Это было нетрудно: она летела медленно, оборачивалась, улыбалась ободряюще и взмахивала полной рукой: «За мной, за мной...»

«Волшебница! Она научит меня». – Я бежала и бежала, пока вдруг не потеряла ее из вида.

Полуразрушенный дом с пустыми проемами на месте окон и дверей; нет крыши, она провалилась внутрь. Но я все-таки вошла.

Сразу почувствовала ее за своей спиной. Хотела обер-

нуться, но она взяла меня за плечи и не позволила.

Кто-то там еще был. Мы не одни стояли среди почерневших обломков стропил, слежавшейся древесной трухи, кирпичных осколков, лежалого мусора. Незвестный приблизился.

– Стой, – прикрикнула черноволосая, – я должна тебя убить!

Я не поверила. Это было похоже на игру, она улыбалась за моей спиной, я чувствовала ее улыбку.

– За что? – чуть нервничая, спросила я.

– Так надо. – Она продолжала крепко держать мои плечи, а может, уже и не держала, только я все равно не могла пошевелиться.

– Куда бы тебя ударить? Сюда? Или сюда? – Она размышляла вслух и наконец решила: – В левую лопатку...

Сначала я кожей на затылке уловила движение воздуха, и внезапно, словно отстранившись, увидела: красивая женщина в ярко-голубом платье занесла нож для удара и, примериваясь, медленно поднесла его к спине девочки, коснувшись лезвием левой лопатки.

Тотчас сама я ощутила прикосновение холодного острия, кольнувшего кожу.

А потом произошло необъяснимое. Я разозлилась. Это был мой сон и моя васильковая женщина. Так почему же она все испортила? Мне хотелось волшебства, сказки, чудесного полета, и она, красавица, должна была всему этому меня на-

учить. Вместо этого затащила в развалины да еще и ножом размахивает!

– Ну уж нет! – Я резко повернулась и ударила ее первой, за тысячные доли секунды до того, как ее нож вошел бы мне под левую лопатку.

Фу, какой она стала некрасивой! Обычная тетка, каких полно на улице, и платье у нее из линялой ткани, под мышками расползается, и кожа серая, и вовсе она не светится. Лицо сразу погасло, нож она уронила, отступая, ударилась боком об угол.

– Уходи, – приказала я, – ты плохая. Больше не буду с тобой играть. Если увижу, сразу убью!

Она убежала, а я проснулась расстроенная. Она испортила мне настроение.

Сон не забылся.

Глава 3. Человек без лица

Наступил сентябрь, а значит, и школа.

По ночам я по-прежнему сопровождала умерших к границе.

А днем... днем я напряженно всматривалась в лица прохожих.

Пока больше никто не беспокоил меня. Если первое время я приглядывалась на улице и искала среди людей тех темных существ, что появились на авиашоу, то со временем подозрительность утихла. Жизнь вроде бы начала входить в

привычное русло. Я даже посмеивалась над собой. Вот ведь воображение до чего доводит! В школе, конечно, все узнали, что я была на авиасалоне во время аварии, и приставали с расспросами. Я не знала, что рассказать. Я же ведь так толком ничего и не поняла тогда. Чтоб не разочаровывать одноклассников, бубнила что-то о панике, придумала для эффекта вой, взрыв и столб дыма. Хотя ничего такого не помнила. Может, было, может – нет. От меня скоро отстали.

С Ольгой поделилась, конечно. Постаралась описать подробно и тех, кто мне померещился, и свое состояние, и даже сон. А она мне возьми да и скажи:

– Это к тебе летчик приходил!

– Какой?! – испугалась я.

– Погибший, – со знанием дела объяснила подруга.

– Скажешь тоже! – расстроилась я. – С чего это?

– Ну как же! – воодушевилась подруга. – Ведь ты единственная предчувствовала катастрофу, но не предотвратила ее.

– Я?! Знаешь, Олька, по-моему, это не у меня, а у тебя не все в порядке с головой! – Честно сказать, она меня смутила. А мне и без этого тошно. – Дура ты, Олька! Я тебе как человеку – укачало, понимаешь?! Померещилось что-то, я же не виновата, что в это же самое время авария произошла?! Тебя послушать, так можно подумать, что и мамонты из-за меня вымерли!

Олька смутилась:

– Маш, ну чего ты! Не обижайся! Я просто предположила. Ты же у нас феномен!

– Нашла феномен! – Мне все еще было не по себе. – Сны, между прочим, это наше подсознание, ну, в смысле, оно нам показывает картинки прошлого, наши страхи, представления или мечты. Наверное, я сильно испугалась, вот и приснился человек в летной форме.

– Маш, ну чего ты, в самом деле, – насупилась Ольга. – Каждую ночь мертвецов провожаешь, а этого, с черным лицом, испугалась. Может, его тоже надо было проводить?

Я задумалась.

– Нет, Оль, тут что-то не так, – не согласилась я. – Вот чувствую, не так... Странно все...

– У тебя все странно, – усмехнувшись, напомнила она. – Так ты спросила бы у него.

– Я пыталась, уж поверь.

– И?

– Он меня не слушал, он, понимаешь, не такой, как остальные. Бешеный.

– Сумасшедший? – уточнила Ольга. – Разве мертвецы бывают сумасшедшими?

– Не знаю, – вздохнула я, – но придется с этим разобраться. Если, конечно, это не просто дурной сон.

Ольга хохотнула:

– Интересно, какие же сны у тебя не дурные?

– Оль! Твоя ирония сейчас точно ни к чему!

– Ладно-ладно, не обижайся, – спохватилась подруга. – Уж и пошутить нельзя...

Она-то пошутила, а я все-таки задумалась. Не шел у меня из головы человек без лица. Как ни старалась, не смогла его забыть. А что, если Ольга права? Вдруг это тот самый погибший летчик? И если я на самом деле могла предотвратить аварию, но не сумела, и, допустим, летчик об этом узнал... правда, непонятно, откуда. Хотя в моей жизни много странного, пора бы уже привыкнуть и не задавать себе вопросов. Ну ладно. Итак, можно предположить, что ко мне явился погибший летчик, страшно обиженный. Поэтому и вел себя агрессивно. И что? Я должна была извиниться? Да, мне очень жаль, что так вышло, но что я должна была делать? И как теперь ему помочь? Оставалось одно – разыскать бешеного мертвеца и решить эту проблему. Если, конечно, его еще не сожрали охотники...

В ту же ночь я отправилась на поиски.

Дорога пересекала заброшенное летное поле с разбитыми самолетами.

Он понуро сидел среди обломков, но почему-то теперь у него было вполне человеческое лицо.

Я обрадовалась. Летчику повезло. Правда, непонятно, как он не попался? Зло караулило его, но не нападало. Почему?

Я подошла поближе и окликнула его. Он поднял голову, взглянул почти равнодушно:

– Ты кто? – спросил.

– Проводник, – ответила я.

Он как будто что-то вспомнил, восторгнулся, поднялся на ноги:

– Пришла! А я уже и не надеялся! Я тебя ждал! Почему тебя так долго не было?

Он говорил, а я буквально кожей чувствовала присутствие охотников. Ощущение странное, такого раньше не было. Меня прощупывали, пытались проникнуть в мои мысли. Даже в затылке заломило. Кто прятался в расставленных ловушках?

Я посмотрела вокруг, потом себе под ноги и увидела черные камни. Их было много. Зато клякс я не заметила. Интересно, куда они подевались?

– Пойдем, здесь опасно, – сказала я.

Летчик послушно пошел рядом.

Ощущение слежки не исчезло. Но я не оборачивалась. Тот, кто следил, держался на расстоянии. Не рисковал? Боялся?

Дорога уперлась в большой ангар. Двери были распахнуты. Я кивнула летчику:

– Иди!

Там внутри стоял новенький самолет. Летчик улыбнулся, шагнул неуверенно, потом побежал.

Я отступила в сторону, самолет выехал из ангара прямо на взлетную полосу. Я последний раз увидела его, он махнул мне рукой, все так же улыбаясь. Я тоже помахала. «Давай,

вперед!» – шепнула. Самолет разогнался и взлетел серебряной птицей. А я осталась стоять на взлетной полосе, уходящей прямо в синее-синее небо.

Глава 4. Пугающие сны

Я проснулась в прекрасном настроении. Никакой усталости. И я сделала то, что должна была. Все просто отлично!

В школе первым делом поделилась с Ольгой:

– Я сегодня летчика проводила!

– Да ты что! – обрадовалась Ольга. – Того самого?

– Ага...

– И чего? Снова бесился?

– Ты знаешь, нет, вполне нормальный был, сидел себе и ждал меня.

– Действительно, странно, – Ольга задумалась. – Слушай, может, ты не все запомнила из первого сна?

– Да вроде все помню, – я постаралась восстановить в памяти картинку. – Там были эти черные кляксы, и у летчика вместо лица клякса. А в этот раз ничего такого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.